

А.Я. Рубинштейн

**РЕЛЯТИВИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ОБЩЕЙ КОНЦЕПЦИИ РАВНОВЕСИЯ**

Препринт № 2026-1

Москва
Институт экономики РАН
2026

A.Ya. Rubinshtein

**RELATIVISTIC FOUNDATIONS
OF A NEW CONCEPT OF MARKET EQUILIBRIUM**

Working paper # 2026-1

Moscow
Institute of Economics RAS
2026

Для цитирования: Рубинштейн А.Я. Релятивистские основания общей концепции равновесия. Препринты Института экономики Российской академии наук. М.: ИЭ РАН. № 2026-1. – 47 с.

For citation: *Alexandr Rubinshtein*. Relativistic Foundations of a New Concept of Market Equilibrium. Working papers of the Institute of Economics Russian Academy of Sciences. Moscow: IE RAS. # 2026-1. – 47 p.

В докладе представлены результаты многолетнего исследования в области «Экономической теории государства» и «Теории опекаемых благ», направленного на преодоление фундаментальной дихотомии «индивидуализм vs холизм». Анализируется генезис «ситуаций непреодолимого разногласия», возникающих при столкновении английской индивидуалистической и немецкой холистической традиций. Показано, что в рамках классического индивидуализма невозможно корректно определить функцию полезности государства. Вследствие этого в микро- и макро-моделях рыночного равновесия: базовой статической, кейнсианской и некейнсианской, государство присутствует лишь номинально, в роли «ночного сторожа», корректирующего «провалы рынка», или «дневного аналитика», объясняющего сдвиги кривых спроса и предложения. В качестве эпистемологического фундамента работы обосновывается применение принципа методологического релятивизма. Данный подход позволяет рассматривать интересы хозяйствующих субъектов и автономные интересы государства как равноправные и контекстуально обусловленные категории экономического анализа. Центральным сюжетом исследования является обоснование общей концепции равновесия, в которой государство выступает не экзогенным регулятором, а полноправным эндогенным участником рыночных отношений. В рамках теории опекаемых благ аргументирована декомпозиция равновесной цены на индивидуальную и социальную составляющие. Приводятся примеры, демонстрирующие решение ряда нерешенных теоретических задач, в том числе описание феномена «общественной опеки» и обоснование концепции мериторных благ. Особое внимание уделяется теоретической реабилитации категории бюджетной субсидии, которая в релятивистской парадигме трактуется как цена реализации соответствующего социального интереса. Доклад завершается концептуализацией субъектности государства в виде метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество», способной эффективно интегрировать индивидуальные предпочтения и эмерджентные общественные потребности в архитектуру современного рынка. Синтез концепций Норта, Олсона и Остром, обуславливает интересы государства как результат институциональной эволюции и борьбы групп влияния. Важным результатом является разработка макроэкономической модели равновесия в условиях принципа «второго лучшего», в трактовке Сена, и вывод о том, что в качестве цели государственного управления должно быть не достижение идеального оптимума, а удержание системы в зоне устойчивости через коррекцию провалов общественного выбора и постепенную модернизацию институтов.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, холизм, релятивизм, опекаемые блага, социальная полезность, равновесие, бюджетная субсидия, интерес государства, общественный выбор, принцип «второго лучшего», государственное управление.

Классификация JEL: B40, B50, D50, H40, H41.

The report presents the results of many years of research in the field of «Economic Theory of the State» and «Theory of Patronized Goods», aimed at overcoming the fundamental dichotomy of «individualism vs. holism». It analyses the genesis of ‘situations of insurmountable disagreement’ arising from the clash between British individualistic and German holistic traditions. It shows that within the framework of classical individualism; it is impossible to correctly determine the utility function of the state. As a result, in micro- and macro-models of market equilibrium: basic static, Keynesian and neo-Keynesian, the state is present only nominally, in the role of a ‘night watchman’ correcting ‘market failures’ or a ‘daytime analyst’ explaining shifts in supply and demand curves. The epistemological foundation of the work is the application of the principle of methodological relativism. This approach allows us to consider the interests of economic agents and the autonomous interests of the state as equal and contextually determined categories of economic analysis. The central element of the study is the construction of a general equilibrium model in which the state acts not as an exogenous regulator, but as a full-fledged endogenous participant in market relations. Within the framework of the theory of patronized goods, the decomposition of the equilibrium price into individual and social components is argued. Examples are given demonstrating the solution of a few unsolved theoretical problems based on the new model, including a description of the phenomenon of ‘public supervision’ and a justification of the concept of meritorious goods. Attention is paid to the theoretical rehabilitation of the category of budget subsidies, which in the relativist paradigm is interpreted as the price of realizing the corresponding social interest. The report concludes with a conceptualization of the subjectivity of the state in the form of a metasystem of «political power – economy – civil society» capable of effectively integrating individual preferences and emergent social needs into the architecture of the modern market. The author synthesizes North, Olson and Ostrom, defining the interests of the state as the result of institutional evolution and the struggle between influential groups. An important result is the development of a macroeconomic model of equilibrium under the principle of ‘second best,’ as interpreted by Sen, and the conclusion that the goal of state management should not be to achieve an ideal optimum, but to keep the system in a zone of stability by correcting public choice failures and gradually modernizing institutions.

Keywords: methodological individualism, holism, relativism, patronized goods, social utility, equilibrium, budget subsidy, state interest, public choice, second-best» principle, public administration.

JEL classification: B40, B50, D50, H40, H41.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I. ГЕНЕЗИС НОВОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ РАВНОВЕСИЯ	8
1.1. Британская традиция – одна часть дихотомии	8
1.2. Немецкая традиция – другая часть дихотомии	10
1.3. Социология – в направлении концептуального компромисса	
Глава II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ	14
2.1. Принципы релятивизма и границы его применения	14
2.2. О релятивистской парадигме общего равновесия	18
Глава III. ПРЕИМУЩЕСТВА МОДЕЛИ РАВНОВЕСИЯ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА	21
3.1. Эвристический потенциал релятивистской модели	21
3.2. Теоретическая реабилитация бюджетной субсидии	24
Глава IV. ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУБЪЕКТНОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ РЫНКА	28
4.1. Государство и его интересы	29
4.2. Концептуализация категории государства	34
4.3. В условиях «second best»	36
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	41
Литература	43

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более четверти века назад американский философ Арнольд Берлиант заметил, что «Разум и интуиция часто противоречат друг другу, теория и практика воплощают конфликты между мыслью и действием, принципы соперничают с интересами, личное – с общественным» [Berleant, 1998a, p.12]. Ретроспективный взгляд на ключевые вопросы общественных наук в различные исторические эпохи обнаруживает наличие известных и многократно описанных ситуаций *непреодолимого разногласия* в некоторых областях дискурса.

Вероятно, одной из первых таких ситуаций стала антиномия в познании социальной реальности: антропоцентризм Протагора («человек есть мера всех вещей») против социоцентризма Аристотеля («человек становится человеком в обществе»). Вариации размышлений на темы этой *дихотомии* буквально пронизывают всю историю философии, социологии, политологии, социальной психологии и, по-видимому, другие разделы науки, где обсуждаются отдельные элементы и их совокупность в целом. В конце XIX столетия в результате введения предпосылки эмерджентности – наличия у целого свойств, не присущих его частям, Эмиль Дюркгейм зафиксировал в «Правилах социологического метода» [Durkheim, 1895] возможность существования автономных интересов общества, отличающихся от интересов индивидуумов [Дюркгейм, 1995, с.9; 2013, с.133-144]

Но каким же в таком случае может или должно быть понимание интереса общества? Является ли он просто суммой интересов индивидуумов, составляющих данное общество, или это нечто иное? Согласно Дюркгейму и одному из принципов «Экономической социодинамики», интерес общества как такового не сводится к индивидуальным предпочтениям его членов [Гринберг, Рубинштейн, 2000; Grinberg, Rubinstein, 2005]. Нетрудно понять, что и здесь возникает ситуация «*непреодолимого разногласия*».

В попытках решения данной проблемы еще античные философы выдвинули абстрактную идею «блага», которое индивидуумы и общество в целом могут понимать по-разному. Это привело к другой не менее абстрактной идее – «пользе», а позднее «полезности» и рациональности индивидуумов в классическом Утилитаризме в виде «наибольшего счастья наибольшего числа людей», что признавалось целью общественного развития [Бентам, 1998, с.147-148]. Под влиянием развивающейся политэкономии укоренилось содержание и самой категории «полезность» – способность блага удовлетворять какую-либо человеческую потребность, ставшая фундаментальной основой теории потребительского выбора.

Конец девятнадцатого столетия, завершавшегося маргинальной революцией (К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас) и появлением новой методологии, в рамках которой все экономические явления должны объясняться через характеристики, мотивацию и поведение отдельных индивидуумов, принципиально все изменили и ситуация «*непреодолимого разногласия*» выпала из поля зрения экономистов. В результате восприятия экономики как равновесной системы, тема общественного интереса, отличного от рыночного агрегата индивидуальных предпочтений, в рамках мейнстрима была снята с повестки дня.

При этом, по мнению Марка Блауга, «выражение «методологический индивидуализм», видимо, было введено Шумпетером в 1908 г.» [Блауг, 2004, с.100]. Но дело не

в термине, а в понятии. Даже не вспоминая Джона Стюарта Милля с его утверждением о том, что «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное» [Mill, 1861; Mill, 1914, с. 798], невозможно пройти мимо Кнута Викселля. Ему принадлежит тезис, выражающий главное содержание методологического индивидуализма: «если полезность для каждого гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому» [Wicksell, 1958, p. 72–118].

Можно утверждать также, что заняв центральные позиции, методологический индивидуализм отодвинул на периферию экономической теории ряд нерешенных проблем, сохранив тем самым наличие обозначенной ситуации *непреодолимого разногласия*. Сложившееся положение определило мою мотивацию представленного исследования и обусловило основную предпосылку для постановки задачи преодоления этой ситуации, которая трансформировалась в фундаментальную проблему построения общей концепции равновесия с участием государства в качестве эндогенного участника рыночных отношений.

Настоящий научный доклад подготовлен в соответствии с завершающим этапом трехлетнего исследования по теме государственного задания «Патерналистское государство и гражданское общество: теория, методология, измерения», в котором нашли отражение прежние авторские разработки, начиная с создания «Концепции экономической социодинамики» (2000), «Экономической теории государства» (2020) и «Общей теории опекаемых благ» (2024), а также ряд журнальных публикаций последних лет¹ и доклады на международных и российских научных конференциях в 2025 году².

В заключение хочу выразить свою признательность В. С. Автономову, О. И. Анянину, Р. И. Капелюшникову, В. И. Маевскому, А. Д. Некипелову, А. В. Оболонскому, И. И. Смотрицкой за многочисленные обсуждения предварительных версий и отдельных частей этого важной для меня работы.

¹ Выделю две публикации – в журналах НЭА «Социальная организация государства: проблема сбалансированности» [Рубинштейн, 2024б] и Вопросы экономики «Релятивистские основания новой модели рыночного равновесия» [Рубинштейн, 2026]

² Рубинштейн А.Я. О новой парадигме государства и теории государственного управления (доклад) / XXV Ясинская (апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества – 17 апреля 2025 г.; Рубинштейн А.Я. О новой экономической теории государства (доклад) / Юбилейная научная конференция посвящена 95-летию Института экономики. Пленарное заседание – 23 июня 2025; Рубинштейн А.Я. Релятивистские основания теоретической экономики (доклад) / VII Всероссийский социологический конгресс – 15 ноября 2025 г.; Рубинштейн А.Я. О новой модели рыночного равновесия (доклад) / Международная конференция «Другой канон: теория и практика экономического развития» – 4 декабря 2025 г.

ГЛАВА I

ГЕНЕЗИС НОВОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ РАВНОВЕСИЯ

Начну с того, что в основном русле экономической теории, пожалуй, в течение всего двадцатого столетия, прочное место занял *методологический индивидуализм*, являющийся одной из базовых характеристик «английской традиции» [Macfarlane, 1978].

1.1. Английская традиция – одна часть дихотомии

Основой этой традиции является классическая политическая экономия А. Смита, базирующаяся на принципах индивидуализма и внутреннем механизме «невидимой руки» [Смит, 2022]. Завершающий этап эволюции классической политической экономики представлен в работах Дж. С. Милля, который отстаивая концепцию индивидуальной свободы в противоположность неограниченному государственному контролю, внёс значительный вклад в философию либерализма [Милль, 2006].

Микро- и макромоделли равновесия. В результате маржиналистской революции, были решены многие вопросы, включая микроэкономическую модель равновесия $D-S$ с анализом «провалов рынка» [Гудвин, Вайскофф, Аккерман, Ананьин, 2002, с.572-578] и ставшую классической кейнсианскую макроэкономическую модель $AD-AS$. В отличие от микромоделли, анализ совокупного спроса AD предполагает агрегирование спроса не только домохозяйств (C^d) и фирм (I^d), но и государства (G^d), что в некотором смысле указывает на *холистическую* природу его воздействия на сдвиг кривых совокупного спроса и совокупного предложения [Абель, Бернанке, 2008, 430-435].

При этом Теория рациональных ожиданий [Muth, 1961] и ее фундаментальное продолжение в работах Роберта Лукаса, обусловили критически важный вывод о том, что «поскольку структура эконометрической модели зависит от решений отдельных агентов, а эти решения меняются при изменении правил игры (политики), любая попытка предсказать последствия изменения политики на основе прошлых закономерностей обречена на провал» [Lucas, 1976, p. 41]. С учетом этого, как известно, классическая кейнсианская модель была признана фундаментально ошибочной, что позволяет сформулировать и общее заключение – попытки разрешить ситуацию «непреодолимого разногласия» между индивидуализмом и холизмом без теоретических потерь не удались.

К позитивным результатам маржинализма можно отнести также дефиницию и анализ общественных благ [Samuelson, 1954]. В этой связи особое значение приобрела известная модель равновесия Виксея-Линдаля для общественных товаров, особенностью которой является процедура «вертикального суммирования» [Wicksell, 1896; Lindahl, 1919]. В целом же, несмотря на успехи позитивистского подхода нерешенным оставался один из принципиальных вопросов, связанный с существованием функции полезности государства, предъявляющего обозначенный выше спрос (G^d) в модели $AD-AS$ и устанавливающего налоги в модели равновесия для общественных товаров³.

³ Известно, что в рамках методологического индивидуализма так и не удалось ответить на важный вопрос, как устанавливать налоги для разных «фрирайдеров».

Нормативный поворот. Казалось бы, что с определенными оговорками можно использовать для этого принцип Парето-оптимальности, при котором благосостояние одного участника нельзя улучшить без ухудшения положения другого. Однако в таком контексте искомая функция полезности становится нормативным критерием, который рыночный механизм не способен выработать самостоятельно. И, как подчеркивает В.С. Автономов, «само возникновение активной государственной политики означало, что рыночная система... не является самодостаточной по природе» [Автономов, 2025, с. 12]. Следовательно, рассуждать о функции полезности государства можно лишь с позиций ее экзогенного, нормативного содержания, что выходит за рамки методологического индивидуализма и английской традиции.

В качестве иллюстрации приведу два других примера, когда задача определения функции социальной полезности вынуждала авторов снижать строгость своих теоретических построений, допуская, как и в модели AD-AS, некоторый отход от методологического индивидуализма. Так, попытки операционализации «социальной полезности» – введение, в частности функции благосостояния А. Бергсона, привели к выводу о невозможности построения такой функции без априорных ценностных установок [Bergson, 1938]⁴. Стало очевидно, что сам по себе внутренний механизм «невидимой руки», без каких-то экзогенных условий не может обеспечить оптимальное равновесие, превращая функцию полезности де-факто в *нормативный критерий*⁵.

Общественные блага. Второй пример связан с уже упоминавшейся работой Пола Самуэльсона «Чистая теория общественных расходов», в которой он дал строгое определение общественных товаров [Samuelson, 1954, P. 387], выделив одновременность их потребления более чем одним индивидуумом, а также строгую *дихотомию* общественных и частных благ. Однако, исходя из теории общественных финансов Р. Масгрейв, отвергал подобную дихотомию и принцип одновременности потребления [Musgrave, 1959, 1969].

Полагая, что четкой границы между типами благ существовать не может, он и ряд других экономистов признали многообразие форм общественных товаров [Блауг, 1994, с.550; Аткинсон, Стиглиц, 1995, с.654; Стиглиц, 1997, с.124; Якобсон, 2000, с.41]. В результате в экономической теории распространился «принцип континуума». Следствие такого теоретического решения стала не только утрата строгости в определении категории общественных товаров, но и превращение функции полезности государства в нормативный критерий – основанием для бюджетного финансирования разного рода «смешанных товаров» и услуг [Рубинштейн, 2025, с. 69-70].

Социальная полезность. В сложившихся условиях вопрос о нормативном характере функции полезности государства трансформировался в проблему общественного выбора, где исследователи столкнулись с известными трудностями. После работы Эрроу, в которой он обобщив «парадокс Кондорсе», доказал невозможность противоречивого согласования индивидуальных предпочтений [Arrow, 1951], попытки

⁴ Для точности сошлюсь на замечание А. Некипелова, который в переписке со мной пишет «Так называемая «формула общественного благосостояния Бергсона $W = \sum_{i=1}^m \alpha_i U_i(x_1^i, \dots, x_n^i)$, где α_i – вес полезности отдельного члена общества в функции общественного благосостояния, была предложена не Бергсоном, а его единомышленниками.

⁵ В дополнение к позитивной теории, в основании которой лежит методологический индивидуализм, объясняющей, «что происходит», приходит нормативная теория, описывающая, «что должно быть». См., например, работу [Хэнкс, 2012].

обойти «условие диктатора» через различные процедуры голосования не принесли желаемого результата. Как было показано позже, общественному выбору «должен предшествовать общественный выбор о том, каким образом этот выбор совершать» [Некипелов, 2023, 2024]. В результате отношение экономистов к функции социальной полезности вынужденно изменилось и проблема ее определения в рамках методологического индивидуализма осталась нерешенной.

1.2. Немецкая традиция – другая часть дихотомии

В этом направлении экономической мысли главный акцент сделан на потребностях общества как такового (холизм). Назову ряд экономистов конца XIX – начала XX столетия: Фридриха Хермана [Herman, 1870], Альберта Шеффле [Schaffle, 1873], Карла Менгера [Menger, 1923] и то главное, в чем они сходились – выделение интереса, присущего совокупности людей в целом. Шеффле, например, пишет о наличии общественных потребностей, «которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества» [Schaffle, 1873, S.113]. Приведу высказывание Менгера «Не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития – это общие потребности» [Menger, 1923, S.8]⁶. Иначе говоря, в основе немецкой традиции лежит противоположная часть дихотомии «индивидуальные VS общественные интересы», но при наличии той же самой ситуации «непреодолимого разногласия» между ними.

Не следует в связи с этим забывать и критику холистической категории «общие потребности», которая относилась в основном к соотношению целого и его частей. Как отмечал Хорст Йехт, «носителем данной потребности всегда является отдельный человек и никогда взятая как целое социальная общность, у которой в отличие от индивида как раз отсутствует способный к переживаниям живой центр» [Jecht, 1928, S.62]. Клаус Шмидт саркастически замечает, что «испытывающее потребности сообщество (коллектив) является мистическим органом» [Schmidt, 1964, S.337]. Подобное суждение присутствует и у Пола Самуэльсона – «я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться использованием коллективных потребительских благ» [Samuelson, 1954, p.387].

Мериторные блага. Данный антропологический тезис и по сей день остается в арсенале ряда авторов, являясь своего рода «медиацией» холистических идей с методологическим индивидуализмом. Так один из самых авторитетных исследователей общественных интересов Ричард Масгрейв, предложивший концепцию мериторных благ, спрос на которые со стороны частных лиц, по его определению, отстают от «желаемого обществом» [Musgrave, 1959, 1974], не захотел идти дальше подобного упрощения: «...поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы» [Musgrave, 1959, P.87].

Желание все же объединить потребности людей и интересы их группы (общества) побудила Масгрейва к поиску рецептов устранения несогласованности между холистической мериторикой и методологическим индивидуализмом, что привело

⁶ Отмечу, что эта цитата из второго, менее известного издания «Оснований политической экономии», составленная сыном К. Менгера из его рукописей и опубликованная в 1923 г.

к допущению о наличии ложных и истинных предпочтений индивидуумов. Однако, как и в ранее рассмотренных примерах и здесь разрешить ситуацию «непреодолимого разногласия» без потерь не удалось. Так, одним из существенных аргументов неприятия этой концепции сторонников классической теории равновесия остается упрек в незнании государством истинных предпочтений. Представляется, что это, действительно, ахиллесова пята данной теории, делающая ее весьма уязвимой для любой критики.

Исходя же из современного понимания можно утверждать, что негативные аспекты мериторики относятся не к самой концепции, а к попыткам ее индивидуалистического оправдания, традицию которых заложил сам Масгрейв. Сформулированная им исходная дилемма между ложными и истинными предпочтениями индивидуумов, по существу, сама ложна. Вслед за Парето повторю, что каждый человек является наилучшим судьей своего благосостояния, предпочтения индивидуумов всегда истинны. И, как гласит один из принципов римского частного права, желание не может быть признано несправедливым – «*volenti non fit iniuria*».

О двух традициях. Представленный анализ продемонстрировал, что в рамках английской традиции исследователи нарушали принципы методологического индивидуализма и использовали в моделях равновесия «холистический образ» государства. Аналогично и авторы, придерживающиеся немецкой традиции, пытались, вопреки принципу несводимости общественного интереса к индивидуальным предпочтениям, найти связи между ними и холистическим интересом государства.

В целом же полувековое обсуждение мериторики Масгрейва [Desmarais-Tremblay, 2021], как и примеры с построением различных моделей равновесия, а также функции общественной полезности Бергсона и континуальное определение общественных благ, приводят к более сложному, но, наверное, к главному выводу о том, что указанные результаты не следует трактовать как неудачи или просчеты ученых. Скорее наоборот, они свидетельствуют о научном поиске авторов, которым было «тесно» в границах лишь одного канона – английской или немецкой традиции. Полагаю, что этими примерами дело не исчерпывается и неудачные попытки разрешения ситуаций *непреодолимого разногласия* имеют место не только в теоретической экономике, но и в разных науках, причем не только в рамках общественного дискурса.

1.3. Социология – в направлении концептуального компромисса

Дискуссия в рамках дихотомии «индивидуализм vs холизм» имплицитно содержит в себе два фундаментальных вопроса. Во-первых, каков характер связи между общественными интересами и интересами составляющих общество индивидуумов, и правомерно ли априорное постулирование наличия такой связи? Во-вторых, существует ли объективный критерий верификации «истинности» одной из альтернативных методологий, сформировавшихся в различных теоретических контекстах?

Данные вопросы, имеющие глубокие исторические корни, вновь обрели актуальность во второй половине XX столетия в связи с обострением противоречий между сторонниками индивидуализма и холизма в теоретической социологии. Характерной особенностью этого периода стало то, что критики холизма зачастую необоснованно сводили методологический индивидуализм к тезису о первичности людей и их пред-

ставлений, трактуя социальные институты как продукты индивидуальной деятельности, а целостности, как чисто умозрительные абстракции [Kincaid, 1998, P.295]. Такой подход был поддержан далеко не всеми. «Люди не создают общество – пишет британский социолог Рой Бхаскар, поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности» [Bhaskar, 1989, P.36]⁷.

Со временем вектор научной дискуссии сместился в сторону менее радикальной интерпретации индивидуализма. Так, швейцарский профессор Бенно Верлен отмечает, что методологический индивидуализм не предполагает отрицания реальности существования институтов и коллективных образований [Verlen, 1993, p.22-51; Верлен, 2002]. По мнению ряда исследователей, данная парадигма не требует обязательного согласия с утверждением, что общество тождественно простой совокупности индивидуумов или может быть полностью редуцировано к категориям индивидуальной психологии.

Ближних позиций придерживался израильский философ Джозеф Агасси, трактующий методологический индивидуализм в примирительных тонах [Agassi, 1973]. Эти тенденции свидетельствуют о формировании теоретического компромисса. Так, Энтони Гиденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм в противовес структурной социологии, с другой стороны, приходит к выводу, что структурная социология и методологический индивидуализм не являются альтернативами, такими, что, отрицая одну, мы принимаем другую [Giddens, 1984, 2001]⁸. Эту же линию развивает Рой Бхаскар, полагая, что природа социальных отношений совместима как с индивидуалистскими, так и с коллективистскими теориями [Бхаскар, 1991].

Французский социолог Раймон Будон также подчеркивает, что методологический индивидуализм выступает необходимым, но недостаточным условием социального познания, требующим дополнения макросоциологическим анализом [Boudon, 1988; Будон, 1998]. Он занимает центристскую позицию, уточняя, что отождествление группы с индивидом правомерно лишь в случае высокой степени институционализации группы, позволяющей ей принимать коллективные решения [Boudon, 1979, p. 64-65]⁹.

В данном контексте особого внимания заслуживают работы Мишеля Крозье и Алена Турена, отличительная черта которых – признание онтологической двойственности социальной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности [Крозье, 1993, с. 35-43; Touraine, 2007, p. 8]. В методологическом плане исследовательские установки М. Крозье и А. Турена вполне корреспондируют с подходами Э. Гиденса и Р. Бхаскара и базируются на синтезе микро- и макросоциологических подходов, на сочетании холизма и индивидуализма без выбора первоосновы.

⁷ Позиция Бхаскара соответствует взглядам Людвиг Витгенштейна, обогатившего современную философию категорией «фоновое пространство» [Витгенштейн, 1994, 2008].

⁸ В личных беседах со мной и Русланом Гринбергом он высказывался более определенно, соглашаясь с нашим тезисом о наличии автономного общественного интереса.

⁹ Следует отметить, что это важное положение Раймона Будона полностью соответствует взглядам Роберта Лукаса: оба ученых исходили из необходимости *микрообоснования* для любых *макротеорий*. Нельзя просто утверждать, что у общества есть свой интерес, нужно понимать, как именно действия отдельных людей агрегируются в этот результат.

В целом же, результаты теоретической социологии можно трактовать в качестве консолидированного ответа на вопрос о «критерии правильности» – сама логика современных исследователей опирается на допущение об отсутствии универсального объективного критерия для выбора между конкурирующими парадигмами. Представляется также, что в приведенных социологических размышлениях неявно присутствует важное предположение о том, что и индивидуализм, и холизм обладают собственной *релевантной областью* применения.

Можно согласиться в этом контексте и с американским философом Арнольдом Берлиантом, который утверждал, что «прямые попытки решить проблему непреодолимого разногласия не могут увенчаться успехом, потому, что сложность кроется не в самой проблеме, а в том, как она сконструирована» [Berleant, 2004, p. 83]. С учетом этого готов предположить, что в основе изучаемой проблемы лежат не соперничающие методологии индивидуализма и холизма, а попытки *теоретической абсолютизации* каждой из них, порождающих указанные разногласия.

Исходя из данной гипотезы и не требуя строгой приверженности английской или немецкой традиции, можно утверждать, что такой подход к поведению индивидуумов и государства, их взаимодействию в социуме создает определенные предпосылки для завершения дискуссии «индивидуализм VS холизм». Речь идет о введении в экономическую теорию нового принципа, который я посчитал возможным назвать *методологический релятивизм*.

ГЛАВА II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ РЕЛЯТИВИЗМ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Исследование предпосылок завершения конфликта «индивидуализм VS холизм», создает возможности для устранения ситуации *непреодолимого разногласия* при разработке общей концепции равновесия для совокупности товаров и услуг, обладающих социальной полезностью – «опекаемых благ», их способностью, в том числе, обеспечивать реализацию интересов государства. Речь идет о создании принципиально новой концепции равновесия, в которой кроме индивидуумов и фирм эндогенным участником рыночных отношений выступает *государство, имеющее собственные интересы*. И такую возможность создает релятивистская методология.

2.1. Принципы релятивизма и детерминация границ его применения

Почему релятивизм? «Ничто, пожалуй, не является более верным признаком того, что доктрина воплощает в себе некую истину, которую нельзя игнорировать, чем то, что в ходе истории философии она должна была быть опровергнута снова и снова. По-настоящему опровержимые доктрины нужно опровергать только один раз» [MacIntyre, 1985, p. 22].

Мне кажется, что релятивизм создает перспективы конструктивных решений одной из самых сложных философских проблем, с которыми люди сталкиваются на протяжении многих столетий. В нынешнее время – это универсализм и абсолютизация, установление общих стандартов, будь то знание, этика или нравственность. При этом указанная доктрина, свидетельствует, что релятивизм в отношении знания совсем не обязательно связан с релятивизмом в отношении морали. Подчеркну, что в данном исследовании релятивистская методология рассматривается исключительно в эпистемологическом смысле, причем в ограниченном пространстве экономической теории.

Но, что же в релятивизме, подвергаемом регулярной критике, объясняет его привлекательность? Следует ли отсюда, что существует истина, которую нельзя игнорировать и которая объясняет жизнестойкость релятивизма? В ответе на данный вопрос процитирую ирландского философа Марию Баграмян: «Позитивный ответ заключается в том, что релятивизм выжил, потому что он является подлинной попыткой ответить на явление *непреодолимого разногласия* в общественном дискурсе» [Baghratian, 2019, p.2].

Нетрудно согласиться и с профессором Йельского университета Бас ван Фраасеном – релятивистскую методологию имеет смысл рассматривать в качестве «исходной позиции» для решения принципиальных различий и неразрешимых разногласий [Fraassen, 2002, с.47]. Добавлю к этому, что трудно найти другие попытки в теоретической экономике, которые смогли успешно преодолеть ситуацию *непреодолимого разногласия* между методологическим индивидуализмом и холизмом¹⁰. Завершая этот, своего рода, анонс релятивистской методологии, процитирую американского фило-

¹⁰ На этом фоне обращает на себя внимание цикл работ В.М. Полтеровича, в которых он выдвинул весьма перспективную программу создания общего социального анализа [Полтерович, 2007, 2011, 2018]. В определенной мере, пусть и несколько в ином ракурсе, эти работы подтолкнули мои собственные исследования.

софа Анжана Чакраварти: «Если принятие позиции не может быть правильным или неправильным в эпистемологическом смысле, а является вопросом ценностей, которые не являются истинными или ложными, то эта позиция должна рассматриваться как «релятивистская» [Chakravartty, 2004, p.173].

Теоретическое описание «релятивистской методологии» – не простая задача, хотя бы потому, что сама категория «релятивизм» не представляет собой единую философскую концепцию. Это не одна, а несколько относительно разных доктрин, объединенных в основном тем, от чего они отказываются – *абсолютизм и универсализм*, а не тем, что они поддерживают. Рассматривая историю релятивизма, начиная от Протагора, Аристотеля и Платона, а затем Монтеня, Канта, Ницше и философов XX и XXI столетия, нетрудно увидеть, переплетение принципиальных разных положений. И как отмечается в «Многоликости релятивизма», участники дискуссий не имеют «четких представлений о том, что именно они обсуждают» [Baghranian, 2004, p.1]. Не вполне соглашаясь со столь строгим вердиктом, выделю четыре, относительно самостоятельных и не сильно пересекающихся вида релятивизма, оказавших в последние десятилетия наибольшее влияние в академической среде.

Культурный релятивизм, который определил во многом этические и политические взгляды многих исследователей. Его ключевой позицией является положение о том, что не может быть культурно-нейтральных критериев, обеспечивающих определение правильного выбора для конфликтующих утверждений, возникающих в условиях *разных культурных контекстов* [Westermarck, 1912, Baghranian, 2004].

Концептуальный релятивизм – это, с одной стороны более узкая, с другой, более общая форма релятивизма, применяемая к концептуальным схемам, научным парадигмам или методологиям. Кроме общего положения, что не существует универсальных критериев для решения вопроса, какая концептуальная схема более уместна, его принципиальная особенность заключается в утверждении, что человеческий разум играет активную роль в формировании «реальности» [Putnam, 1987]. Относится это и к *разным контекстам*, формирующим альтернативные конструкторы.

Социальный конструктивизм является еще одной формой релятивизма, который базируется на утверждении, что различные социальные условия определяют построение различных «миров» и не существует нейтрального критерия для суждения, какой из них более полезен. Такой подход, в частности релятивизирует научное знание в той степени, в какой он утверждает, что различные социальные и концептуальные условия могут приводить к построению разных систем знания [Knorr-Cetina, 1984, p.226].

Постмодернизм, также несущий в себе релятивистские особенности, в своей крайней форме постулирует, что истина не является объективным и независимым от разума свойством, которое можно выявить, но создается посредством социальных взаимодействий [Rorty, 1982, p.5]. С 1980-х годов постмодернизм, наверное, стал доминирующим теоретическим подходом в теоретической социологии, социальной антропологии и культурных исследованиях, постепенно утрачивающий свои позиции в последнее десятилетие.

Обсуждая релятивизм, следует отметить, что «значение универсальности меняется в зависимости от того, говорим ли мы о знании или ценностях, существует общая суть в настойчивом требовании, что любой принцип, правило, стандарт или закон *действителен в каждом случае, к которому он применим*» [Berleant, 1998, p. 161].

Пожалуй, именно в этой важной оговорке заключена суть проблемы особенно в отношении теоретической экономики. Насколько «случай, к которому применим» определенный принцип, правило или результат исследований, может или должен считаться универсальным?

Могут ли вообще существовать подобные стандарты сегодня, когда, даже физика стала относительной? В XXI столетии происходит постепенное разрушение всех форм абсолютизма, будь то морального, политического или экономического. Релятивисты настаивают на том, что принципы и правила, добавлю к этому и институты, приспосабливаются к обстоятельствам и меняются вместе с ними¹¹. Но и в такой ситуации остаются вопросы: какие обстоятельства имеют фундаментальное значение в каждом конкретном случае?

Что же все-таки объединяет различные виды релятивизма и почему ряд его положений стали для меня важным этапом многолетних исследований? Четверть века спустя в результате более подробного знакомства с философской литературой, посвященной релятивизму¹², я осознал *достаточность* двух положений, разрешающих мой внутренний конфликт между убежденностью в универсализме либеральной доктрины и пониманием необходимости во многих случаях вмешательства государства. Речь идет о том, что не может быть нейтральных критериев выбора между конфликтующими альтернативами и, что сами эти альтернативы возникают в условиях разных культурных контекстов – в нашем случае, английской и немецкой традиций, в формировании которых главную роль играет человеческий разум, обуславливая их *равноправие*¹³.

Использование этих положений, связанных с отказом от абсолютизма и универсальности в дискуссии «индивидуализм-холизм», отражает определенные итоги данного исследования. Представленный анализ не только обосновывает правомерность и даже целесообразность введения принципа методологического релятивизма, но и демонстрирует его эвристический потенциал для развития «экономической теории» [Рубинштейн, 2024]. При этом отказ от поиска «единственно верной» парадигмы не лишает индивидуализм и холизм теоретической значимости каждого из них.

Напротив, их применение становится более точным за счет четкого определения контекстуальных границ и ограничений использования соответствующих методологий. Так, *методологический индивидуализм* сохраняет статус фундаментальной основы при анализе частных товаров и услуг, обладающих *исключительно* индивидуальной полезностью. Для описания таких рынков по-прежнему эффективной остается базовая модель микроэкономического равновесия D-S (рис. 1).

¹¹ Наверное, трудно не заметить в этом тезисе его созвучность взглядам Лукаса, который указывал на приспособляемость к обстоятельствам (новым правилам) индивидуумов, поведение которых меняется вместе с ними

¹² Впервые я обратил внимание на релятивизм более десяти лет назад [Рубинштейн, 2013], но тогда я еще не был готов к достаточному пониманию этой сложной философской доктрины.

¹³ Одним из следствий такого понимания стала и другая редакция основного принципа Концепции экономической социодинамики [Гринберг, Рубинштейн, 2000, Grinberg, Rubinstein, 2005]. Отказ от универсальности в пользу ограниченности действия этого принципа соответствующими условиями и контекстом, привели к следующей его формулировке: «В пространстве классической теории рыночного равновесия, интерес общества не сводится к индивидуальным предпочтениям». Подробнее об этом смотри последний раздел доклада – «Вместо заключения».

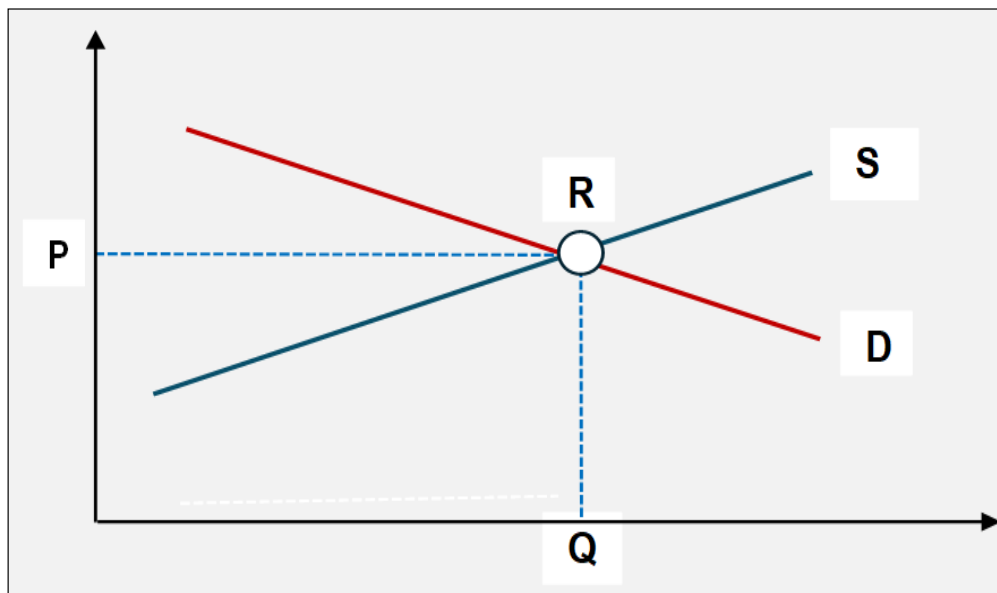

Рис.1. Микроэкономическая модель равновесия D – S

Холистическая методология остается необходимой для исследования совокупности товаров и услуг, имеющих *только* социальную полезность (оборона, обеспечение правопорядка, защита прав собственности и другие общественные блага). В данном случае адекватным инструментарием выступает модель Викселля–Линдаля, с характерным для нее механизмом «вертикального суммирования кривых спроса.

Релятивистская методология находит свое применение при анализе опекаемых благ, для которых характерны свои ограничения, связанные с их способностью удовлетворять потребности индивидуумов и государства. Наличие у таких товаров и услуг одновременно индивидуальной и социальной полезности диктует принципиально новый подход к модели макроэкономического равновесия ADGd–AS, в которой спрос предъявляют не только хозяйствующие субъекты – индивидуумы (C^d) и фирмы (I^d), но и государство (G^d), выступающее в качестве эндогенного участника рыночных отношений.

И если для *частных* товаров и услуг, как и для благ имеющих только социальную полезность, релятивистская методология никаких новых возможностей не создает, то в случае опекаемых благ, имеющих одновременно индивидуальную и социальную полезность, открывается принципиально новое направление исследований, в котором исходная ситуация *непреодолимого разногласия* между методологическим индивидуализмом и холизмом разрешается в результате введения релятивистского равноправия предпочтений индивидуумов и интересов общества как такового.

О двух традициях. Возвращаясь к релятивистской методологии отмечу, что стремление объединить английский индивидуализм с немецкой исторической школой наблюдалось среди экономистов и раньше¹⁴. В наиболее явном виде оно стало предметом исследований в новом столетии. Назову в связи с этим норвежского эконо-

¹⁴ Такого рода попытки имеют глубокие корни. Их элементы прослеживаются у Альфреда Маршалла, который при создании неоклассического синтеза стремился дополнить абстрактные схемы эволюционно-биологическими метафорами [Marshall, 1920]. Еще более отчетливо стремление к синтезу теории с историко-социологическим подходом прослеживается у Йозефа Шумпетера. В своей «Истории экономического анализа» он утверждал, что теоретическая экономика лишена смысла без глубокого социологического и исторического контекста [Schumpeter, 2001, с.14-17]. В этом контексте можно назвать и работы Амитая Этциони, с его «Социоэкономикой», в которых автор пытался соединить в одной теории экономической выгоды с этическими принципами, в том числе моральным долгом [Этциони, 2004].

миста Эрика Райнерта, который предложил «Концепцию двух канонов» [Reinert, 2007; Райнерт, 2016], исследованную и развитую в работах В. С. Автономова [Автомонов, 2013, 2025]. Наиболее четко проблема объединения двух канонов и поиска методологического компромисса находит свое отражение в уже упоминавшемся цикле работ В.М. Полтеровича с его развернутой программой создания принципов «Общего социального анализа». Развивая идеи Йозефа Шумпетера о неразрывности теории и истории, он предлагает преодолеть разрыв между «двумя канонами» путем построения единой социальной теории.

В отличие от подхода В. М. Полтеровича и его масштабной программы интеграции социальных наук, претендующей на универсальный охват социальных феноменов, исследование, представленное в настоящем докладе, ограничивает область анализа спецификой взаимодействий *индивидуумов и государства*. В этом, более узком, сегменте речь идет о создании методологии позволяющей снять противоречие между англо-саксонским индивидуализмом и немецким холизмом, подготавливая почву для более широких обобщений, включая построение моделей равновесия с эндогенным участием государства применительно к социально полезным благам.

Релятивистский подход позволяет преодолеть традиционный дуализм и открывает новые горизонты в экономическом моделировании. Релятивизм выступает здесь своего рода «интеллектуальным мостом», связывающим позитивистский маржинализм с нормативными установками государства, обеспечивающим теоретическое описание феномена «общественной опеки» товаров и услуг, обладающих социальной полезностью. Главное же состоит в том, что методологический релятивизм обуславливает расширение состава субъектов рынка и принципиально трансформирует статус государства – от «ночного сторожа» до эндогенного и полноправного участника рыночных отношений, имеющего *собственные интересы*. Понятно, что изменившееся положение государства ставит задачу пересмотра общей концепции равновесия и создания адекватных моделей с его реальным участием.

Может показаться, что здесь в свою очередь возникают неразрешимые трудности, обусловленные различной природой индивидуальной и социальной полезности, и как следствие принципиальной невозможностью рыночного агрегирования соответствующих кривых при определении совокупного спроса на опекаемое благо. Однако история экономической мысли подталкивает к иному выводу, подсказывая возможности решения данной проблемы, которые заложены в самой теории равновесия, в модели Викселля-Линдаля для общественных товаров [Lindahl, 1967]. Речь идет об адаптации этой модели применительно ко всему классу «опекаемых благ».

2.2. О релятивистской парадигме общего равновесия

Двойственная природа таких товаров и услуг, сочетающих индивидуальную и социальную полезность, обуславливает активность государства, направленную на максимизацию его собственной функции полезности [Рубинштейн, 2009, 2024a]. Это означает, что совокупный спрос (AD) должен быть представлен в виде суммы спросов домохозяйств (C^d) и государства (G^5). Иными словами, соответствующая модель равновесия обязана учитывать два различных интереса. Первый, соответствует агрегированному спросу «мегаиндивидуума» $C^d = f(c^d_1, c^d_2 \dots C^d_n)$, который формируется рыночным механизмом на основе индивидуальных функций полезности (C^d_i). Вто-

рой – эндогенный интерес государства (G^d), формируемый через политические институты и механизмы общественного выбора и выступающий как комплементарный компонент совокупного спроса.

В этом случае, наряду с удовлетворением потребностей индивидуумов при потреблении блага Q в объеме $QG = \sum Q_G^i$, имеет место реализация интереса государства суммарным объемом потребления этого блага, которая сопровождается *социальной мутацией* самого блага Q_G . В данном процессе опекаемое благо превращается в общественный товар, который мегаиндивидуум и государство потребляют совместно и в равном количестве Q_G . На этой основе можно сформулировать вывод в форме следующей леммы.

Лемма 1. Если индивидуумы из множества N с предпочтениями $c_1^d, c_2^d \dots c_n^d$ в отношении частного блага Q и их рыночный агрегат в виде «мегаиндивидуума» C^d дополняет нормативный интерес общества G^d в отношении этого же блага, то само благо Q в объеме Q_G приобретает двойственность: оставаясь частным благом для индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для носителей интересов C^d и G^d .

Отсюда непосредственно вытекает возможность использования модели Викселля–Линдаля [Lindahl, 1967], предусматривающей вертикальное суммирование функций спроса (рис. 2).

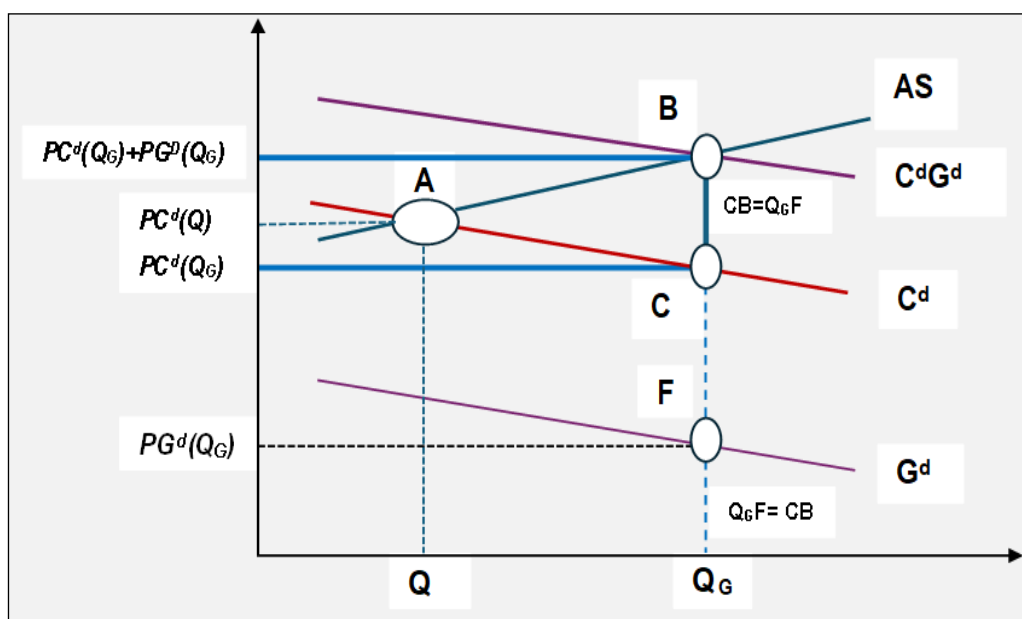

Рис. 2. Модификация равновесия Викселля–Линдаля – модель ADG^d -AS

Рассмотрим данный вопрос подробнее в сопоставлении исходной и модифицированной модели Викселля–Линдаля. Во-первых, и в той, и другой модели рассматриваются общественное благо и два субъекта: у Линдаля – агрегированная группа индивидуумов, обладающих высоким доходом, и также агрегированная группа менее обеспеченных индивидуумов; в модели для опекаемых благ их заменяют «мегаиндивидуум» и государство. Во-вторых, в модели Викселля–Линдаля «спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства» (Lindahl, 1967, P.86). В модифицированной модели

это условие также претерпевает некоторые изменения. Устанавливаемые государством цена и объем опекаемого блага зависят от цены, по которой индивидуумы готовы приобретать этот суммарный объем данного блага, обеспечивая полное покрытие издержек его производства.

В-третьих, в исходной модели Викселля–Линдаля процесс финансирования «устроен таким образом, что каждый индивид вносит разный налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага» (Lindahl, 1967, P.91). С учетом же того, что в модифицированной модели действуют не отдельные индивидуумы, а «мегаиндивидуум» и государство, речь идет уже не о налогах, а о ценах: единой цене $PC^d(Q_G)$ по которой каждый i -ый индивидуум готов покупать частное благо в объеме Q_G^i ; и цене $PG^d(Q_G)$, по которой государство готово оплачивать это опекаемое благо в объеме $Q_G = \sum Q_G^i$. При этом модификация исходной модели не меняет общего вывода: совокупный спрос в ней определяется путем *вертикального суммирования* кривых спроса «мегаиндивидуума и государства», а Парето эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага Q^G , реализуется в форме равновесия Викселля–Линдаля.

Этот вывод дает основание для следующей *Леммы II (лемма инверсии)*. Возникновение нормативного интереса государства G^d в отношении любого частного блага Q , которое ранее приобреталось индивидами в разных количествах Q_G^i по единой цене $PC^d(Q)$, порождает *социальную мутацию* этого блага, что приводит к инверсии равновесных цен и количеств: мегаиндивидуум и государство начинают приобретать ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве Q_G , но по разным ценам $PC^d(Q_G)$ и $PG^d(Q_G)$.

Следует подчеркнуть также, что в предложенной модификации модели Викселля–Линдаля цены равновесия имеют разную природу. В основе персонифицированной цены мегаиндивидуума $PC^d(Q_G)$ лежит предельная индивидуальная полезность частного блага Q_G^i ; цена, оплачиваемая государством $PG^d(Q_G)$, также соответствует предельной, но уже социальной полезности опекаемого блага Q_G и отражает ту часть бюджетных ресурсов государства, которая расходуется на реализацию интереса общества G^d .

Сформулирую общее заключение, причем как и раньше в виде *Леммы III*. В этой версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с их предпочтениями, трансформируемыми механизмом невидимой руки в спрос «мегаиндивидуума», и государство, с его предпочтениями G^d , равновесное состояние достигается в точке, где предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага: $MC_R = MC^d + MG^d$.

Нетрудно предположить, что в рамках данной концепции равновесия возникают перспектива решения ряда теоретических и прикладных проблем, которые остались нерешенными в экономике частных благ. Использование этой модели с эндогенным участием государства, позволяет, в частности, оценить эффективность расходования бюджетных ресурсов в гуманитарном секторе экономики, например, на программы в сфере образования или здравоохранения. Если государство платит за программу слишком много при низкой социальной полезности, или если граждане не готовы доплачивать за услугу, которую считают ценной исключительно для себя, возникает дисбаланс, который предложенная модель помогает выявить и скорректировать.

ГЛАВА III

ПРЕИМУЩЕСТВА МОДЕЛИ РАВНОВЕСИЯ С ЭНДОГЕННЫМ УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА

Какие же преимущества предоставляет новая концепция равновесия, построенная на основе релятивистской методологии, что можно предложить уже сегодня и какие перспективы ее развития следует ожидать в ближайшем будущем? В ответе на этот принципиальный вопрос имеет смысл начать с уже к описанным выше ситуаций, когда в рамках одного канона – методологического индивидуализма, не удалось найти строгое решение ряда важных проблем экономической теории.

3.1. Эвристический потенциал релятивистской модели

Начну с анализа, казалось бы, ясной ситуации «провалов рынка», обусловленных наличием отрицательных и положительных экстерналий, а также рыночной властью, последствиями которых являются неэффективные рыночные равновесия. Доказательства данного факта, приведенные во многих учебниках, основаны на довольно простой демонстрации наличия Парето-улучшений, реализация которых предоставлена государству с неопределенными функциями «ночного сторожа», связанными, по-видимому, с устранением рыночных провалов.

Провалы рынка. Внимательный взгляд на эту ситуацию, позволяет заметить, что государство, не имея собственного интереса и соответствующей функции полезности, принимает решение о сокращении производства товаров и услуг с отрицательными экстерналиями, например, загрязняющих окружающую среду, обеспечивающее экономию издержек производителей – площадь прямоугольника (Q_1, A, B, Q_2) , превышающую потери потребителей – площадь прямоугольника (Q_1, A, C, Q_2) , что рассматривается в качестве Парето-улучшения – треугольник (A, B, C) . Аналогичное положение дел характерно и для двух других видов провалов рынка, где увеличение объема производства монополистом, а также товаров и услуг, для которых характерны положительные экстерналии, например, услуги образования и культуры, приводит к Парето-улучшению, но теперь в виде увеличения выигрыша потребителей, превышающего рост издержек производителей. В этой ситуации, однако, сложно объяснить, как при отсутствии функции полезности государства возникает решение об изменении объема производства Q (рис. 3–5).

В рамках статической модели равновесия $D-S$, а также кейнсианских и некейнсианских моделей $AD-AS$ и $IS-LM$, отсутствует эксплицитно заданная функция полезности государства. Это же касается и модели $DSGE$ «динамического стохастического общего равновесия» – основной инструмент современных Центробанков. Роль государства (центробанка) в этих моделях носит преимущественно номинальный характер и ограничивается рамками анализа возможных равновесий. И выступает государство либо в качестве «ночного сторожа», минимизирующего последствия «провалов рынка», либо в роли регулятора (аналитика), чьи действия объясняют экзогенные сдвиги кривых AD и IS [Абель, Бернанке, 2008, с. 437-439].

При этом отсутствие в рыночной системе внутренних механизмов для распознавания неэффективности равновесия и определения, в частности, направлений фискаль-

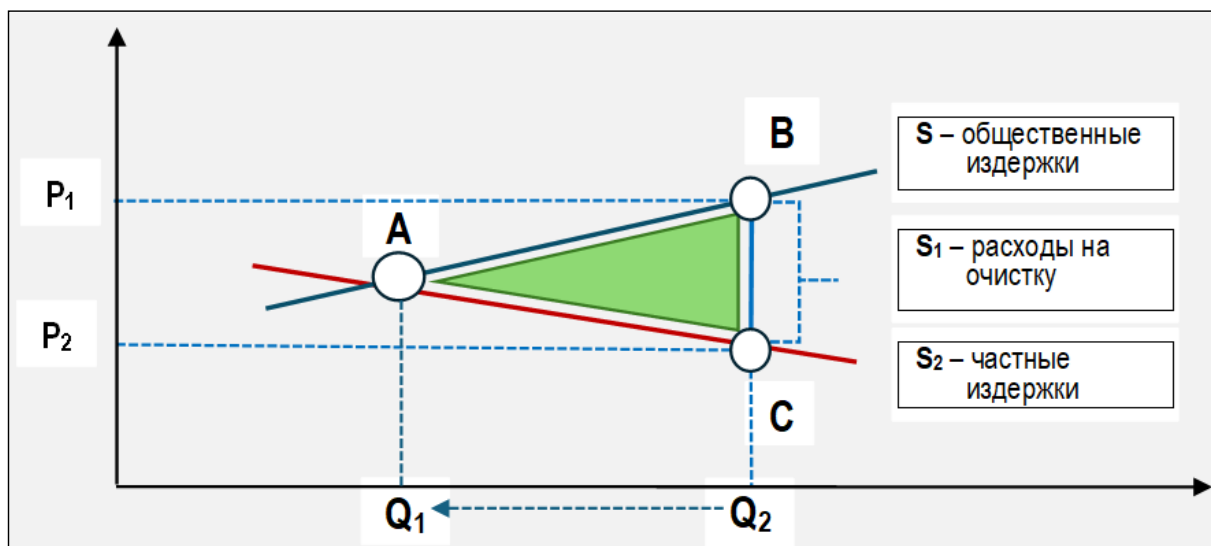

Рис. 3. Загрязнения окружающей среды

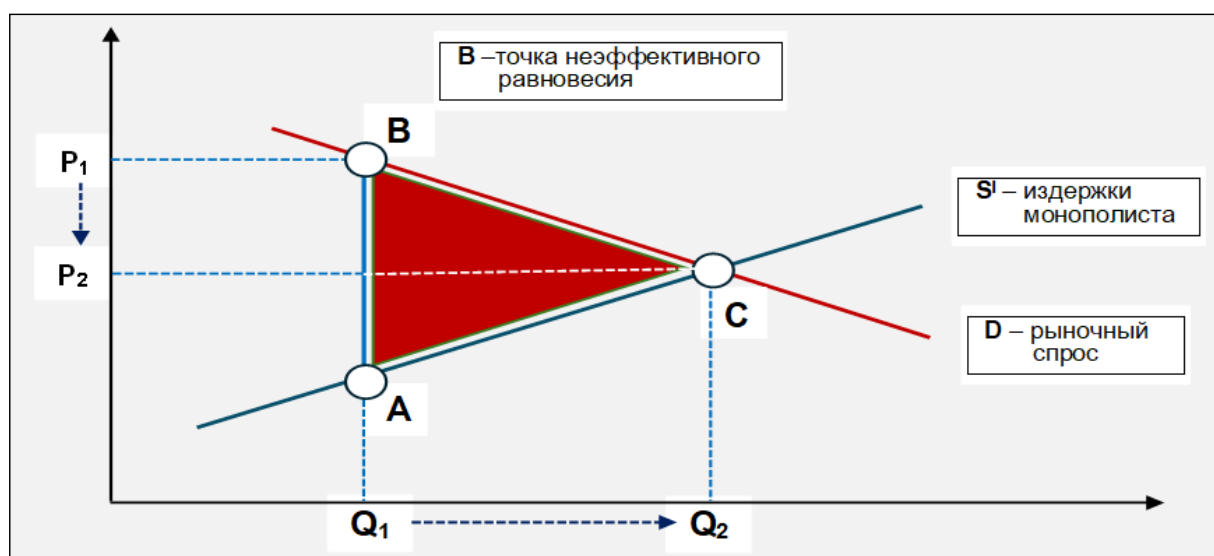

Рис. 4. Рыночная власть (монополия)

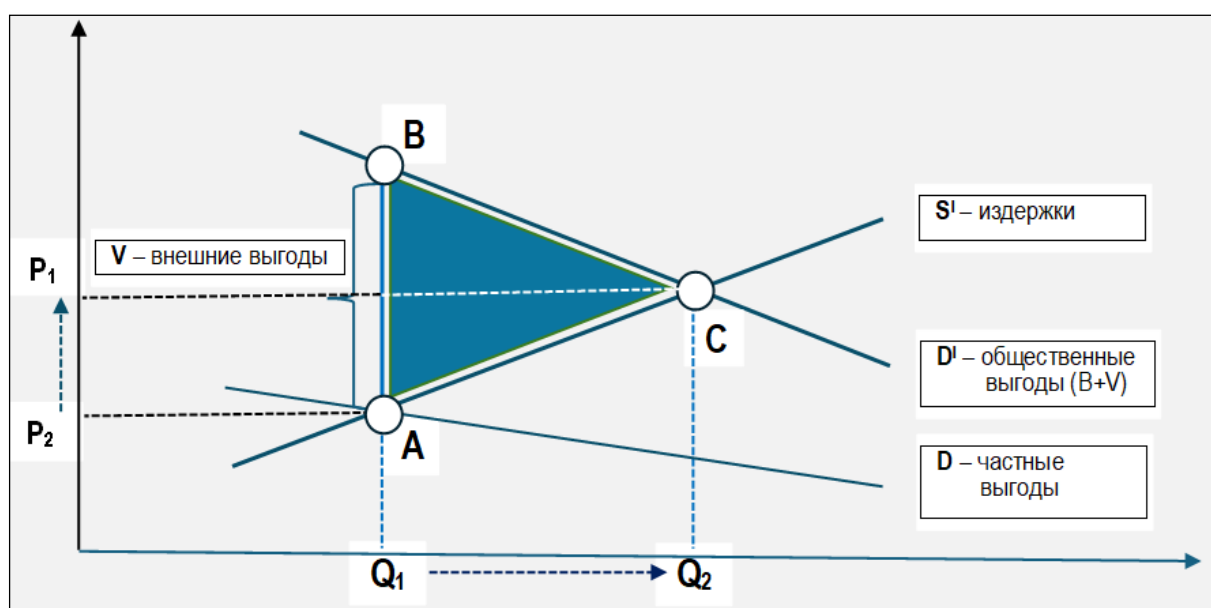

Рис. 5. Положительные экстерналии

ной или монетарной политики, влияющих на уровень инфляции, и положение кривых AD и IS, указывает на концептуальную ограниченность такого анализа. За пределами возможностей рынка остается не только достижение эффективного состояния, но и обоснование самого нормативного критерия – оптимума по Парето. Это вынуждает исследователей обращаться к концепции «коллективного разума» – внешней структуре, способной агрегировать индивидуальные предпочтения.

Вместе с тем П. Самуэльсон указывал, что подобная инстанция в условиях отсутствия адекватной функции общественного благосостояния лишена теоретического фундамента [Samuelson, 1954]. К. Шмидт также критиковал подобные подходы за «органическую» трактовку государства, при которой правительство наделяется ролью непогрешимого арбитра [Schmidt, 1964]. Оба ученых солидарны в том, что государство в макромоделях нередко представляется «черным ящиком», принимающим решения на основе неких высших приоритетов, не детерминированных предпочтениями отдельных субъектов. Преодоление подобной неопределенности становится возможным при отказе от восприятия государства как внешней силы и его интеграции непосредственно в структуру рыночного взаимодействия.

Ситуация радикально меняется, если «провалы рынка» анализировать в новой модели равновесия, построенной на основе релятивистской методологии с участием государства в качестве эндогенного участника рыночных отношений. Анализ указанной модели равновесия свидетельствует, что площадь треугольника (A, B, C), во всех трех видах провала рынка представляет собой величину отдачи от бюджетных инвестиций с целью сохранения окружающей среды или ликвидации рыночной власти и в производство благ с позитивными экстерналиями. В этом случае государственная активность, направленная на снижение (увеличение) объема производства опекаемых благ, обеспечивает прирост социальной полезности, который, обнаруживает указанная модель.

Концепция мериторных благ. Полагаю, что в данном контексте важным примером может служить и концепция Ричарда Масгрейва, где обоснование вмешательства государства, предъявляющего дополнительный спрос на определенные виды товаров и услуг, в отношении которых, согласно автору, существуют *ложные и истинные* предпочтения индивидуумов, вызвало обвальную критику экономистов [Brennan, Lomasky, 1983; Schmidt, 1988; Tietzel, Muller, 1998]. Стремление этого выдающегося экономиста, оставаясь в границах методологического индивидуализма, преодолеть несогласованность двух канонов привело к указанному допущению, обусловившему неприятие данной концепции экономическим сообществом.

При этом отказ от универсальности и абсолютизации индивидуализма и использование релятивистской методологии с возможностью обоснования действий государства наличием его автономных интересов, позволяет корректно описать мериторику и построить соответствующую модель равновесия, в основе которой лежит модель ADG^d-AS (рис. 2, рис.6). Ее анализ, свидетельствует, что площадь «треугольника (A, B, C), равная разности между площадью прямоугольника (P_C, C, B, P_B) – объем мериторной субсидии, и суммой площадей прямоугольников выигрышей потребителей (P_C, C, A, P_A) и производителей (P_A, A, B, P), в результате увеличенного объема производства мериторного блага с Q_A до Q_G , превращается в величину отдачи от инвестиций государства, или в прирост их социальной полезности, которую обнаруживает эта модель равновесия (рис. 6).

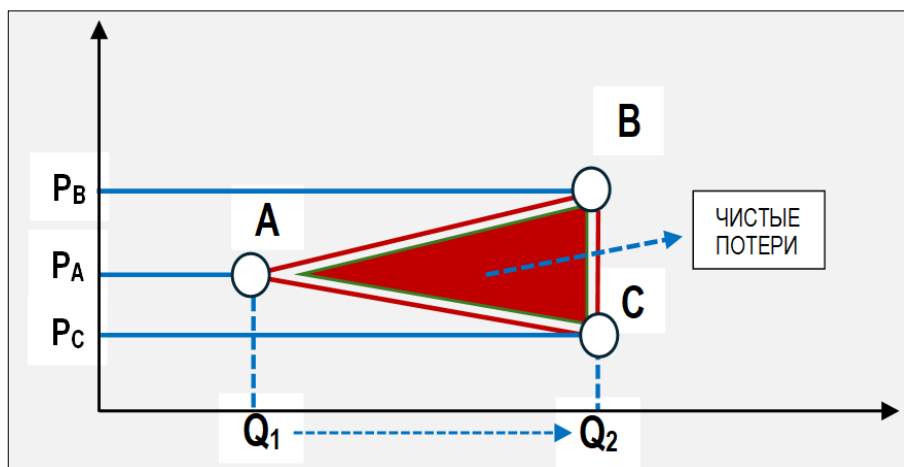

Рис. 7. «Треугольник Харбергера»

благотворительность, государство тратит бюджетные средства? Если допустить, что мотивация таких расходов кроется в интересах государства, то очевидно, что они не могут найти отражение в стандартной модели рыночного равновесия, где государству, по определению, нет места. Это все равно, что «искать в темной комнате кошку, которой там нет».

Исходя же из наличия интересов государства, обеспечивающих, например, рост доступности некоторых благ, нетрудно сделать вывод, что они обладают социальной полезностью. Очевидно, что в этом случае не может применяться стандартная модель равновесия для благ, не имеющих социальной полезности. Данное заключение, собственно, и заставляет думать об ошибочности распространенного толкования «треугольника Харбергера». Для его корректной трактовки необходимо в соответствии с релятивистской методологией использовать представленную выше модель равновесия для опекаемых благ, имеющих, по определению, индивидуальную и социальную полезность и учитывающую тем самым интересы государства, на реализацию которых и направлена бюджетная субсидия (рис. 6).

Случилось так, что результаты многолетних теоретических исследований, и как я уже отмечал, движимых во многом попытками разрешить мой внутренний конфликт между убежденностью в универсализме либеральной доктрины с ее негативным отношением к вмешательству государства и пониманием необходимости бюджетного финансирования исполнительских искусств, страдающих «болезнью Баумоля», вылившийся в дилемму «методологический индивидуализм VS и холизм», неожиданно получили важное прикладное развитие.

Финансирование опекаемых благ. Легко предположить, что приведенные примеры «решения нерешенных задач» далеко не исчерпывают все возможности продуктивного использования общей концепции равновесия. Но, даже на этом фоне следует особо выделить, пожалуй, одно из важнейших ее следствий. Речь идет о *теоретической реабилитации* категории бюджетной субсидии. Принцип методологического релятивизма и теория опекаемых благ определили ее новое содержание, вытекающее из модели равновесия. Бюджетное финансирование опекаемых благ и, в частности, в гуманитарном секторе экономики – в науке, образовании, культуре и медицине, является государственными инвестициями, направленными на прирост социальной полезности благ создаваемых в этом секторе экономики, которая проявляется в экс-

тернальных эффектах, главным образом, в форме накопления знания и человеческого капитала (рис. 8).

Рис. 8. Принципиальная схема полного бюджетного цикла расходов на производство опекаемых благ исполнительских искусств

Этот своего рода «приз» соединил две стороны моей научной жизни – исследования в области теоретической экономики с прикладными работами в области экономики культуры, которые начались около пятидесяти лет назад с задачи определения необходимых размеров дотации (бюджетной субсидии) театрам, которая трансформировалась в более общую проблему финансирования опекаемых благ [Рубинштейн, 2024a, Rubinstein, 2025].

Но дело, конечно, не только в бюджетных субсидиях или налоговых льготах для производства товаров и услуг гуманитарного сектора, и не только в бюджетных инвестициях в другие сектора экономики. Эти инструменты, безусловно, важны, но они остаются в рамках традиционного инструментария государственной активности, который часто рассматривается как реактивный, а не *системообразующий*. Полагаю, что речь должна идти о более глубоком методологическом сдвиге – о широком применении релятивистской методологии в макроэкономических исследованиях. Данный подход требует отказаться от прежних представлений о государстве и перейти к анализу его динамической, контекстуально обусловленной роли.

В фокусе такого исследования оказываются не только интересы государства как абстрактной категории, но и конкретные механизмы государственного управления, процесс формирования экономических стратегий в условиях неопределенности, а также комплексный анализ фискальной и монетарной политики, уровня производства, процентной ставки, инфляции, безработицы и других взаимосвязанных макроэкономических параметров, рассматриваемых как элементы единой, эволюционирующей системы.

Изучение этих проблем в рамках предложенного подхода и ожидаемый прирост нового теоретического и прикладного знания едва ли возможны без фундаментального переосмысления релятивистской природы самих государственных интересов и более общего феномена государства как социального института. Это требует определения его внутренней социальной структуры, выявления его специфического места и функций в сложной архитектуре рыночной экономики и, в конечном счете, понимания его роли в функционировании социума в целом.

При этом радикальное изменение теоретического статуса государства, переосмысление его положения и роли в системе экономических отношений – переход от модели экзогенного арбитра к модели эндогенного участника, ставит перед исследователями ряд фундаментальных и взаимосвязанных вопросов относительно государственного управления. Эти вопросы касаются не только практических аспектов, но и всей системы государственного управления, включая формирование интересов государства и механизмов их реализации¹⁵ в условиях конкуренции с интересами других субъектов рынка. При переходе к обсуждению этих сложных вопросов в заключительной главе настоящего доклада будет высказана и обоснована ключевая гипотеза об их преимущественно институциональной природе.

¹⁵ Подобное определение общей системы государственного управления было впервые представлено в работах И. Смотрицкой [Смотрицкая, 2024а, с. 17-18, с.23; Смотрицкая, 2024б, с.10-11].

ГЛАВА IV

ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА И ЕГО СУБЪЕКТНОСТЬ В АРХИТЕКТУРЕ РЫНКА

Формирование интересов государства – это сложный, многомерный и часто противоречивый процесс, который в данном исследовании трактуется принципиально иначе, чем в традиционных политологических подходах. Он понимается не как волевое решение правящей элиты или результат рационального планирования, а как продукт долгосрочной институциональной эволюции, на которую влияет множество факторов. Его динамика нелинейна и детерминирована, как мне представляется, постоянным взаимодействием трёх фундаментальных групп факторов, каждая из которых вносит свой вклад в конечную конфигурацию государственных приоритетов.

Во-первых, это эндогенные интересы государства, которые, согласно классической теории Дугласа Норта, обусловлены сложившейся институциональной средой¹⁶, которая формируется совокупностью формальных правил и неформальных норм, образуя рамки действий государства. Эти интересы служат механизмом адаптации самих «правил игры» к постоянно меняющимся социально-экономическим реалиям. К последним можно отнести не только очевидные технологические сдвиги (например, цифровизацию), но и более тонкие процессы: долгосрочные ценовые колебания на глобальных рынках, демографические изменения (старение населения, миграция), а также трансформацию общественных ценностей и ожиданий [Норт, 1997, с. 17–21, 97]. Таким образом, государство через свои интересы реагирует на вызовы среды, стремясь сохранить стабильность институциональной матрицы.

Во-вторых, как показано в работах Мансура Олсона, процесс трансляции диффузных общественных потребностей в конкретные государственные интересы подвержен риску систематического искажения со стороны узких, но хорошо организованных групп – так называемых «распределительных коалиций». Обладая структурным преимуществом в коллективном действии, такие группы – будь то отраслевые лобби, профессиональные ассоциации или региональные элиты – способны навязывать государству рентоориентированную повестку, направленную на перераспределение ресурсов в свою пользу. В результате институциональные изменения, инициируемые или санкционируемые государством, отражают часто не оптимальные общественные запросы, а компромисс между давлением различных коалиций, что ведет к хронической неэффективности и замедлению экономического роста [Олсон, 1998, с. 68–72].

В-третьих, существенную поправку вносит концепция Элинора Остром, которая предлагает рассматривать природу интересов государства через призму полицентризма и многоуровневого управления. Её подход обозначает признание прав локаль-

¹⁶ «Институциональная среда» в трактовке Д. Норта – это макроструктурные рамки общества, которые минимизируют неопределенность во взаимодействиях субъектов. В своих более поздних работах Норт использует в качестве «концептуальной метафоры» термин «институциональная матрица» [Норт, 2010], подчеркивая горизонтальную и вертикальную взаимозависимость формальных и неформальных правил. Более точной, на мой взгляд, является здесь другая концептуальная метафора – «тензор», так как он позволяет описать институциональную среду не просто как статичную сетку (матрицу), а как многомерную систему векторов, обладающую свойством взаимозависимости элементов при изменении внешних условий. Матрица просто фиксирует наличие правил, а тензор показывает, как формальное изменение (например, новый закон) вызывает «напряжение» в неформальных нормах, стремясь вернуть систему в равновесие (*эффект path dependence*).

ных сообществ и ассоциаций на самоорганизацию как необходимое условие устойчивости социально-экономических систем. Когда «правила игры» разрабатываются и легитимируются при участии таких сообществ, они становятся более устойчивыми и лучше исполняются, что в конечном итоге формирует и ограничивает интересы государства, вынужденного учитывать эту полицентричную реальность [Остром, 2010, с. 144–145].

В целом же можно утверждать, что интерес государства – это не волюнтаристский конструкт правящей группы, а сложный, институционально закрепленный результат постоянного взаимодействия и признания многообразия, а часто и конфликта, потребностей различных слоев общества. При этом возникает принципиальный и трудно-разрешимый вопрос: насколько полно и адекватно в конечных интересах государства сбалансированы разнонаправленные запросы хозяйствующих субъектов, институтов гражданского общества и собственно органов власти?

Поиск ответа на него требует радикального переосмысления самой категории государства, его роли не как надстройки над рынком, а как эндогенного и активного субъекта, чьи стратегические решения и повседневные управленческие практики непосредственно определяют архитектуру рынка, влияют на распределение ресурсов и, следовательно, на социальную справедливость в обществе [Поланьи, 2002, с.149]. Это ставит государство в позицию не внешнего судьи, а заинтересованного игрока, чьи цели подлежат анализу.

4.1. Государство и его интересы

Начну с того, что многолетие исследования феномена государства и анализ современного этапа его эволюции, трансформировали основную направленность моих разработок последнего периода, определив устойчивую приверженность идеям Фридриха фон Хайека и его фундаментальной «Концепции социального порядка» [Hayek, 1973; Хайек, 1992, 2006]¹⁷.

Государство как спонтанный социальный порядок. В данной концепции государство представляет собой не искусственную конструкцию, а одно из проявлений сложного «социального порядка», который координирует действия множества независимых индивидов, каждый из которых преследует собственные, часто не известные другим цели. И как писал Хайек, «соответствие намерений и ожиданий, определяющее действия разных индивидов, и есть форма проявления порядка в общественной жизни...» [Хайек, 2006, с. 54]. Такой порядок возникает и поддерживается спонтанно, поскольку каждый его элемент балансирует воздействующие на него силы и согласует свои действия с другими, что в совокупности обеспечивает координацию поведения отдельных лиц и групп с разнонаправленными целями [Хайек, 2006, с. 69].

Может сложиться впечатление, что подобный взгляд предполагает существование некоей идеальной, самонастраивающейся институциональной среды, в которой нормы и правила формируются стихийно и автоматически гармонизируют частные и групповые интересы, сводя их к общественному. Однако это глубокое заблуждение. В теории Хайека речь идет не о статичном совершенстве институтов, а об их посто-

¹⁷ Пользуюсь случаем, хочу выразить свою искреннюю благодарность Р. И. Капелюшникову, который открыл предомой мир Фридриха фон Хайека, идеи которого очень во многом изменили мое общее мировоззрение.

янной изменчивости в ходе исторического развития¹⁸. Причем «характер этой эволюции не прямолинеен, он складывался в процессе постоянных проб и ошибок, непрерывного «экспериментирования» в сферах, где происходило «соперничество» между порядками разного типа» [Хайек, 1992, с. 39]. Государство, таким образом, является и ареной, и результатом этого соперничества.

Динамичный, эволюционный подход к трактовке социального порядка обостряет и усложняет проблему операционального осмысления категории государства. Более того, анализ истории мысли позволяет констатировать, что в экономической науке пока отсутствует операциональное определение государства, адекватно отражающее его природу за пределами стандартной трактовки как публичной власти с аппаратом принуждения. При этом идеи Хайека и сама концепция социального порядка как бы подсказывают, каким может или должно быть определение такого сложного института как государство.

Дефиниция государства. В попытках инструментализации идей Хайека, и построения теоретического образа государства на основе релятивистской методологии, в данном исследовании используется дефиниция, представленная в моих работах несколько лет назад. «Государство – это социальная целостность, функционирующая в институциональной среде и на определённой территории в форме динамической метасистемы «политическая власть–экономика–гражданское общество» [Рубинштейн, 2024а, с.388; 2024б, с.197; 2025, с.35]. В терминах Хайека данное определение описывает механизм «институционального уравнивания» влияний политической власти, экономики и гражданского общества.

В целом же синтез институциональной теории Норта, политического реализма Олсона, теории самоорганизации Остром и концепции социального порядка Хайека, позволяет сделать общий концептуальный вывод. «Интересы государства» – это не список приоритетов, а институционально закреплённое (через законы, бюрократические процедуры, бюджеты) отражение текущего динамического баланса, или устойчивого дисбаланса, между меняющимися запросами общества и способностью системы эффективно их согласовывать через механизмы коллективного взаимодействия.

Природа интересов государства. В качестве базовой платформы исследования в рамках данной темы используются принципы Новой политической экономики [Алесина, 2006]¹⁹, которая рассматривает политическую систему и процесс принятия государственных решений не как *поиск истины*, а с учетом фундаментальной неоднородности и конфликтности интересов групп, постоянно борющихся за влияние на власть. В качестве еще одного основания послужила Теория общественного выбора [Buchanan, Tullock, 1962], которая сделала особый акцент на проблемах лоббирования, бюрократического поведения и необходимости создания конкурентных правил политической борьбы для минимизации ее деструктивных эффектов.

¹⁸ О принципиальном отсутствии идеальной институциональной среды см.: [Капелюшников, 2023, 2024а, 2024б]

¹⁹ В 2006 году Альберто Алесина создал программу исследований по новой политической экономике и возглавлял ее в National Bureau of Economic Research до конца своей жизни.

Несмотря на то, что Теория общественного выбора возникла и институционализировалась значительно раньше²⁰, именно она заложила фундамент Новой политической экономики, в опоре на которую становятся более ясными ответы на вопрос о генезисе формирования интересов государства и его функции полезности в новой концепции макроэкономического равновесия. В рамках данной теории представлен подход к изучению политических решений, моделью которого послужили демократические процедуры парламентских голосований.

В отличие от модели рыночного равновесия, в процессе общественного выбора индивидуальные предпочтения трансформируются не в «денежные голоса», а в политическую поддержку конкретных партий и их программ. Распределение голосов избирателей и мест в парламенте отражает сложившийся на конкретный момент баланс (или дисбаланс) интересов субъектов власти, групп гражданского общества и экономических агентов. В результате этого конкурентного, но *несовершенного процесса агрегации предпочтений*, формируются формальные приоритеты и целевые установки государства. Следует особо подчеркнуть, что в рамках предлагаемого подхода, государство не просто транслирует эти установки, а выступает как «эндогенный участник» рынка со своими ресурсами и ограничениями. Это означает, что эффективное государственное управление в такой логике должно соответствовать результатам превращения агрегированного общественного выбора в функцию полезности государства, которая становится одним из аргументов в общей системе экономических взаимодействий.

Однако, при всей внешней демократичности процедуры, нельзя игнорировать известный факт, что победившая на выборах парламентская партия или коалиция, получившая необходимое большинство голосов, приобретает возможность продвигать нормативные установки, отвечающие в первую очередь её партийным или коалиционным интересам [Лаффон, 2007; Полтерович, Попов, Тонис, 2008; Хиллман, 2009]. В этом свете вряд ли уместно предполагать, что интересы, сгенерированные и отфильтрованные политической системой общественного выбора, будут автоматически релевантны долгосрочным приоритетам общества и направлены на цели, обеспечивающие эффективное распределение ресурсов, включая бюджетные средства государства.

Данный тезис находит подтверждение и в работах Джеймса Бьюкенена, который в знаменитой дискуссии с Ричардом Масгрейвом «Общественные финансы и общественный выбор», с ясностью характеризует мотивацию акторов политического процесса: *рядовой избиратель* при голосовании рационально максимизирует свою ожидаемую личную выгоду, часто в условиях рационального неведения; профессиональный «политик» максимизирует вероятность переизбрания, а не какое-то абстрактное общественное благосостояние; «бюрократ» максимизирует размер контролируемого им бюджета, статус и власть своего ведомства; а «правительство» в целом — это не аль-

²⁰ Рождение этой теории обычно связывают с Дэвидом Блэком [Black, 1948a; 1948b]. Первая же статья Джеймса Бьюкенена по этой проблематике была опубликована практически в то же самое время [Buchanan, 1949]. Само же название теории «Общественный выбор» закрепилось лишь в 1960-х годах, после создания соответствующей ассоциации и журнала «Public choice».

труистичный орган, а арена для непрекращающегося торга между конкурирующими самоинтересованными группами [Buchanan, Musgrave, 1999, pp. 107-110]²¹.

В этом контексте процесс формирования интересов государства подвержен системным рискам возникновения специфических «провалов», порождающих цели государства, далекие от критериев общественной эффективности. Более того, попытки государства корректировать «провалы рынка» часто оборачиваются не менее серьезными «провалами государства» [Winston, 2006; Полтерович, 2007]. При этом причины возникновения неэффективных рыночных равновесий, как и провалов общественного выбора во многом идентичны: монополизация, информационная асимметрия, наличие негативных и позитивных экстерналий. И все же между ними существует принципиальное институциональное различие.

Так, устранение классических «провалов рынка» считается общепризнанной функцией государства, и в результате его регулятивных действий теоретически можно приблизиться к ликвидации дефектов, связанных с монополией, асимметрией информации и экстерналиями. Для решения же проблем провалов общественного выбора (которые в логике данной теории и есть «провалы государства») не существует никаких рецептов, кроме надежд на эволюционный прогресс «социального порядка», то есть самих политических и гражданских институтов, который, однако, как подчеркивал Хайек, не имеет финальной точки совершенства.

Общественный выбор и его деформации. Обсуждение этого критически важного сюжета логично начать с «политической монополии», которая формируется не только через формальные выборы, но и через контроль над медиа, партийное строительство и административный ресурс. Такая монополия возникает в результате интенсивной предвыборной борьбы и последующей победы одной партии или устойчивой партийной коалиции, что, как известно, почти неизбежно приводит к смещению агрегированных результатов общественного выбора в сторону интересов монополиста.

На эту тему существует классическая и современная литература, истоки которой можно найти в трудах XIX столетия [Mill, 1861, 1958; Tocqueville, 1835, 1992]. Среди современных авторов я бы выделил Аренда Лейпхарта, предложившего в качестве альтернативы и «лекарства» от монополии так называемую консенсусную демократию, «... которая в противоположность однозначному и безраздельному правлению большинства, воплощает стремление к ограничению, разделению, разграничению и распределению власти различными способами» [Лейпхарт, 1997, 1995, с. 136]²². Эта модель, однако, сама по себе уязвима для других видов провалов, таких как политический торг и блокирование решений.

Еще один фундаментальный вид провала связан с «информационной асимметрией», и он также обстоятельно представлен в экономической литературе. Не погружаясь глубоко в общую проблематику «информационной асимметрии», которая после

²¹ Подробный анализ этой дискуссии двух гигантов экономической мысли, придерживающихся совершенно противоположных взглядов на государство: «благожелательный администратор» – по Масгрейву и «тигр, которого нужно держать в конституционной клетке» – по Бьюкенену, представлен в нескольких изданиях популярного учебника «Государственные финансы и общественный выбор: аналитические перспективы» [Cullis, 2009].

²² Хочу обратить внимание на работу еще недавних сотрудников Института экономики РАН – Екатерину Фурман и Марка Симона «Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение» [Фурман, Симон, 2015], которых можно назвать первопроходцами данной проблематики в нашем институте.

новаторского исследования Джорджа Акерлофа о «рынках лимонов» стала особенно популярной [*Akerlof, 1970; Акерлоф, 1994*], назову несколько ключевых работ, где достаточно полно представлены ее основные сюжеты. Речь идет о книге Вильяма Нисканена, в которой ясно представлена его модель бюрократии: обладание чиновниками информационной монополией в отношении реальных потребностей и издержек своих ведомств позволяет им максимизировать утверждаемые бюджеты, существенно превышая социально оптимальный уровень предоставления благ полезных для общества [*Нисканен, 2007, с. 60-70*].

Добавлю к этому и известную статью Жан-Жака Лаффона, где детально обсуждается, как можно использовать теоретические модели, учитывающие феномен асимметричной информации, для проектирования механизмов регулирования естественных монополий и других стратегических секторов. Цель таких механизмов – предотвратить провалы государства, вызванные тем, что регулируемые частные фирмы всегда знают свои истинные издержки и возможности лучше, чем внешний регулятор [*Laffont, 1996, с. 508–517*].

Имеет смысл обратить внимание еще на одно проявление информационной асимметрии – целенаправленное воздействие на предпочтения избирателей с помощью мощных пропагандистских кампаний, которые может позволить себе партия, обладающая значительными финансовыми или административными ресурсами. Следствием становится манипуляция общественным сознанием, искусственные сдвиги в картине общественного выбора и, в конечном итоге, создание предпосылок для укоренения той самой политической монополии, о которой шла речь выше.

Отдельного анализа заслуживает проблема «экстерналий» в контексте общественного выбора. Хотя теоретическая необходимость учета и *интернализации* государством «внешних эффектов» была описана еще Альфредом Маршаллом и детально разработана Артуром Пигу [*Пигу, 1985; Маршалл, 1993*], в рамках теории общественного выбора стала развиваться, как уже отмечалось, альтернативная и более скептическая концепция. Ее суть в том, что государственное вмешательство, призванное исправить провал рынка, само может быть институционально неэффективным, порождая собственные, порой более масштабные «провалы».

Важную роль в этом смысле сыграла знаменитая статья Рональда Коуза, где он показал, что вмешательство государства в решение проблемы экстерналий целесообразно и оправданно далеко не всегда, а лишь в ситуациях высоких транзакционных издержек частных переговоров, которые в этом случае становятся ключевым предметом анализа [*Coase, 1960; Коуз, 2007*]. Для случая *отрицательных экстерналий* наиболее значимым, наверное, является исследование Вильяма Баумоля и Уоллеса Оутса, посвященное экологическим проблемам. Они продемонстрировали, что выбор конкретных инструментов экологической политики (налоги, стандарты, разрешения) в огромной степени зависит не от абстрактной эффективности, а от политических и распределительных последствий, то есть от целевых установок, сформировавшихся в процессе общественного выбора [*Baumol, Oates, 1988*].

Думаю, что наибольший пласт современной экономической литературы, связанный с общественным выбором, приходится на проблемы *позитивных экстерналий*, и прежде всего в рамках гуманитарного сектора экономики, где производятся, распространяются и потребляются знания, культурные блага, услуги образования и здра-

воохранения. Прочитую в этой связи уже упоминавшуюся книгу «Общественные финансы и общественный выбор», в заключительном резюме которой, авторы дискуссии отметили «глубочайшую философскую и методологическую пропасти» в современной экономике государственного сектора, что особенно ярко проявляется именно в гуманитарной сфере [Buchanan, Musgrave, 1999, pp. 175-180].

Полагаю, что данный вердикт двух великих экономистов находит свое наглядное подтверждение в хронических ошибках общественного выбора, которые в том числе проявляются в последовательных коррекциях целевых установок через институты государственного управления и проводимую экономическую политику, *в конкретных решениях бюрократии*, следствием которых становится перманентное бюджетное недофинансирование науки, образования, культуры и здравоохранения [Гуманитарный сектор..., 2023]. Это порождает порочный круг: недоинвестиции в человеческий капитал снижают отложенный во времени потенциал экономического роста, что, в свою очередь, ограничивает будущие бюджетные возможности.

4.2. Концептуализация категории «государство»

Вопрос о содержательном наполнении самой категории «государство» в рамках данного исследования требует методологического отхода от традиционных трактовок его трактовки как пассивного «ночного сторожа» или сугубо внешнего, нейтрального регулятора рыночных процессов. В развиваемой в данном исследовании парадигме государство рассматривается не как экзогенный фактор, а как полноправный, эндогенный участник рынка, обладающий собственной функцией полезности, которая отражает его институциональные интересы.

Важно подчеркнуть, что эта функция, хотя и автономна, не носит диктаторского или произвольного характера, поскольку она институционально ограничена и сдерживается, во-первых, жесткими рамками бюджетного процесса (доходы лимитированы), а во-вторых, потенциальными, хотя и не всегда эффективными, механизмами гражданского и парламентского контроля. Тем не менее, в этих рамках государство сохраняет и активно реализует свою субъектность в определении приоритетных направлений расходования бюджетных ресурсов, выступая в роли особого агента, который, руководствуясь своими критериями социальной полезности и политической целесообразности, конкурирует или вступает в сложные партнерские отношения с частными структурами на относительно равных условиях.

Взаимовлияние трех составляющих государства. В процессе непрерывной социально-экономической эволюции все элементы метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество» находятся в состоянии *регулярного динамического и часто конфликтного взаимодействия*. Степень их взаимного влияния, баланс сил постоянно трансформируются под воздействием внешних (геополитических, технологических) и внутренних (демографических, культурных) шоков. Многочисленные эмпирические данные подтверждают наличие комплекса дестабилизирующих факторов, нарушающих равновесие. К ним относятся как классические рыночные «провалы» (монополии, кризисы), провоцирующие спрос на расширение вмешательства органов власти, так и издержки самого этого регулирования, проявляющиеся через необоснованные нормативные установки [Krueger, 1990; Стиглиц, 1997; Радыгин, Энтов, 2012].

Еще одним мощным фактором дестабилизации выступает дефицит эффективности и зрелости самих институтов гражданского общества, их недостаточная способность к самоорганизации и конструктивному диалогу с властью [Salamon, 1987]. Можно сформулировать и главный вывод: полная, идеальная сбалансированность интересов власти, экономических агентов и гражданского общества является *теоретической абстракцией*, которая недостижима на практике в силу фундаментальных и неустранимых изъянов в самих механизмах согласования разнородных и меняющихся предпочтений.

Центральной проблемой здесь является объективная невозможность идеального агрегирования предпочтений, то есть требуемых условий для эффективного общественного выбора, доказательство которой представлено еще в докторской диссертации Кеннета Эрроу [Arrow, 1951, 1963]. И как убедительно доказал Дж. Бьюкенен, реальный политический процесс не является и не может быть инструментом реализации абстрактного «желания общего благосостояния», а представляет собой, риску повторить это еще раз, арену для жесткого торга эгоистических, самозаинтересованных групп акторов. Таким образом, системные «провалы» в механизмах общественного выбора превращают состояние абсолютно лучшего институционального равновесия в недостижимый идеал.

В рамках данной парадигмы любая реальная система неизбежно детерминирована устойчивыми дисбалансами и периодическим формированием «доминант» в социальной организации государства. Под доминантой понимается тот элемент триады «политическая власть — экономика — гражданское общество», влияние которого на определенном историческом отрезке становится преобладающим, подчиняющим себе логику развития двух других, что и является главной причиной формирования или роста общей социально-экономической несбалансированности. При этом каждая из соответствующих моделей государственного управления описывает «предельный случай» распределения влияния внутри указанной институциональной триады, к которым в разной степени приближается государство.

Рыночная модель формируется в условиях институционального доминирования механизмов конкурентного рынка при сопутствующем ослаблении регуляторного и перераспределительного функционала власти. Деятельность властных структур сознательно ограничивается статусом «ночного сторожа», чья миссия сводится к техническому устранению наиболее грубых «провалов рынка» (защита прав собственности, обеспечение конкуренции) и обеспечению стабильного правового каркаса для свободной конкуренции. Реализация целевых установок общественного выбора здесь осуществляется не посредством прямых административных команд, а преимущественно через рыночные инструменты (налоги, субсидии) и сигнальные системы цен.

В подобных условиях, характерных исключительно для предельного случая системы государственного управления, предполагающего наличие рыночной доминанты, могут использоваться уже упоминавшиеся модели рыночного равновесия: $D-S$; $AD-AS$; $IS-LM$; $DSGE$. Такие модели предполагают максимально высокую степень автономности экономических агентов и минимальное прямое вмешательство государства в распределительные процессы, что, однако, чревато социальным неравенством и недофинансированием социально полезных благ.

Социоцентрическая (публичная)²³ модель является результатом качественного усиления роли и самоорганизации гражданского общества, которое выступает основным драйвером институциональных изменений и источником легитимности. Политическая власть в данных условиях утрачивает монополию на принятие стратегических решений, оказываясь в плотной системе сдержек и противовесов, выстроенной снизу самоуправляемыми субъектами гражданского общества (НКО, профессиональные ассоциации, местные сообщества). Механизм принятия решений приобретает ярко выраженный коллективный, делиберативный характер. Процессы общественного выбора и целеполагания происходят при инклюзивном, постоянном участии представителей общественных организаций на всех уровнях управления – от муниципального до федерального.

В условиях социоцентрической системы государственного управления, предполагающей отсутствие каких-либо доминант и наличие определенной сбалансированности влияния политической власти, экономических субъектов и гражданского общества, могут или должны использоваться также уже упоминавшиеся модели рыночного равновесия с участием государства ADG^d-AS . В такой ситуации взаимодействие власти и общества переходит в диалоговый, переговорный режим, направленный на достижение широкого консенсуса в вопросах социально-экономического развития, что может замедлять принятие решений в кризисных ситуациях.

Автократическая модель характеризуется предельной концентрацией влияния и ресурсов в руках одной политической силы (партии, коалиции, лидера), что ведет к системной деформации и подавлению самостоятельных рыночных и гражданских институтов. Органы власти выступают здесь как безусловно доминирующий субъект, жестко ограничивающий экономические свободы (через государственный сектор, контроль над ценами), гражданские права и автономию общественных организаций. Процесс формирования и реализации целей общественного выбора де-факто полностью подменяется реализацией стратегических установок самой правящей группы, ее видения модернизации или удержания власти. Жесткая управленческая вертикаль подавляет горизонтальные связи и обратную связь, в результате чего все сферы жизни общества оказываются в высокой степени зависимости от политических решений и воли правящих групп, что порождает застой и неэффективное использование ресурсов.

Каждая из представленных моделей демонстрирует специфический, но неизбежный вектор отклонения от абстрактно-теоретической модели институционального равновесия. С учетом этого и признания объективной невозможности достижения абсолютного идеала, логика исследования обуславливает необходимость перехода от поиска «первого лучшего» (first-best) к использованию более реалистичного теоретического принципа, известного, как «второе лучшее» (second-best), который признает изначальное несовершенство мира и недостижимость полного баланса интересов.

4.3. В условиях «second best»

Теоретическим фундаментом этого перехода служит известная теорема, сформулированная во второй половине прошлого столетия Р. Липси и К. Ланкастером,

²³ Об исследованиях в этом направлении и введении в научный оборот непосредственно модели публичного управления см.: [Смотрицкая, 2023, 2024].

которые математически обосновали, что если в сложной экономической системе не выполняется хотя бы одно из необходимых условий достижения общего оптимума (что неизбежно при наличии деформаций общественного выбора), то стремление к выполнению остальных условий оптимальности может не только не приблизить систему к идеалу, но и привести к еще большему снижению благосостояния [*Lipsey, Lancaster, 1956, pp. 11–32*].

В условиях несовершенства институтов власти и рынка рациональной стратегией в данном контексте становится поиск *субоптимальных* решений, которые могут намеренно отклоняться от теоретических стандартов эффективности ради достижения более высокой степени устойчивости системы в целом. Важную роль в обосновании такого перехода играют работы Джона Хикса, который предложил перенести фокус внимания с абстрактного равновесия на конкретные критерии оценки благосостояния. Его подход предполагает анализ возможностей компенсации сторон, чьи интересы были ущемлены в процессе институциональных сдвигов, что позволяет рассматривать государственную политику как искусство достижения компромисса в условиях дефицита ресурсов и информации [*Хикс, 1993, с. 305–312*].

Наиболее же важное значение для данного исследования, построенного на основе релятивистской методологии, имеет философская трактовка «второго лучшего» применительно к теории общественного выбора предложенная индийским экономистом Амартия Сеном, который указал на когнитивную ловушку поиска «трансцендентного идеала» справедливости. Он утверждал, что в условиях неполноты информации и неустранимой противоречивости человеческих ценностей попытки сконструировать идеальную модель общественного устройства являются контрпродуктивными. Вместо поиска глобального идеала, Амартия Сен предложил сконцентрироваться на сравнительной оценке реально достижимых альтернатив [*Sen, 2004, pp. 332–335*].

В частности, Сен предлагает выбирать между *доступными альтернативами здесь и сейчас*, даже при том, что ни одна из них не совершенна. Если невозможно договориться об идеальном решении, нужно выявить те варианты, по которым есть пересекающийся консенсус, что позволяет отсеять явно худшие варианты, сужая выбор до приемлемых «вторых лучших» решений [*Sen, 2002, pp. 158–163*]. «Второе лучшее» для Сена – это не провал, а прагматичный гуманизм. Вместо поиска математического совершенства в рамках «трансцендентального институционализма», он предлагает сосредоточиться на устранении явных несправедливостей через обсуждение и выбор из доступного набора возможностей [*Sen, 2004, pp. 348–350; Сен, 2016, с. 143–147*].

Государственное управление. В рамках метасистемы «политическая власть – экономика – гражданское общество» это означает, что интерес государства должен пониматься не как достижение фиксированной точки баланса, а как непрерывный процесс сравнительного анализа и институционального учета многообразия потребностей общества, направленный на минимизацию наиболее острых дисбалансов. В этом тезисе также нетрудно заметить определенное совпадение с идеями Хайека.

Данный подход определяет специфику общей системы государственного управления. Поскольку полная сбалансированность интересов принципиально невозможна, реально существующие режимы управления следует рассматривать как различные фазы «институционального уравнивания», каждая из которых является специфическим вариантом реализации принципа «второго лучшего». Важным аспектом

государственного управления в этих условиях становится *преодоление когнитивного искажения*, при котором субъекты власти, действующие от имени государства, отождествляются с самим институтом государства. Чтобы «второе лучшее» было действительно таковым, теория общественного выбора должна включать механизмы публичного обсуждения, позволяющие преодолеть ограниченность частных взглядов субъектов власти и адаптивных предпочтений [Сен, 2016, с. 218]²⁴.

В рамках развиваемого подхода управление перемещается из плоскости линейного административного проектирования в область моделирования сложных самоорганизующихся систем. Иначе говоря, государственное управление в архитектуре «второго лучшего» должно быть сфокусировано на проведении институциональных модернизаций, направленных на ослабление влияния формирующихся распределительных коалиций и сокращение дисбаланса в социальной структуре. Подобные сдвиги требуют преобразований на всех уровнях – от макроэкономического регулирования до отраслевых стандартов управления, транслирующих установки инклюзивного развития.

Подводя итог, можно констатировать, что стабильность государства в современной архитектуре рынка зависит не от достижения абстрактного теоретически полного равновесия интересов *власти, экономики и общества*, а от способности системы государственного управления эффективно корректировать деформации общественного выбора. Это достигается через создание прозрачных механизмов распределения ресурсов и обеспечение активного функционирования институтов гражданского общества.

В рамках данной парадигмы классический инструментарий теории общественного выбора дополняется функционалом институтов государственного управления, которые рассматриваются не как внешние ограничители, а как имманентные характеристики системы. В этом контексте одной из теоретических и прикладных проблем становится проведение *институциональных модернизаций*, направленных на ослабление влияния формирующихся или уже сложившихся доминант и сокращение дисбаланса в социальной структуре государства.

О равновесии в условиях «второго лучшего». Исходя из признания перманентного дисбаланса в социальной структуре государства и руководствуясь принципом «второго лучшего», необходимо осуществить содержательную модернизацию общего экономического равновесия. При этом важно провести ключевое различие между абстрактным, «идеально-типическим» вектором спроса государства (Gd), который фигурирует в неоклассических моделях как экзогенный параметр, и реальным вектором (GBd).

Последний представляет собой интерес государства, исторически сформированный и легитимированный в процессе объективно искаженного общественного выбора, но сознательно скорректированный с учетом принципа «второго лучшего». Речь идет о содержательном наполнении интереса государства с его переходом от оптимальности к устойчивости. В этом случае государственный интерес – это не просто фискальный или регуляторный импульс. Это комплексная целевая функция, которая в общем случае включает в себя четыре основных составляющих.

²⁴ Говоря о «когнитивном искажении» и «адаптивных предпочтениях», Сен часто ссылается на басню Эзопа о лисе, которая назвала виноград зеленым, когда не смогла до него дотянуться. См., например [Сен, 2016, с. 353–354]

Во-первых, *макроэкономическую стабилизацию*, но не в виде точечного оптимума (например, «естественного уровня безработицы»), а как поддержание системы в пределах «коридора» устойчивости, предотвращающего социальные взрывы или финансовые коллапсы. Во-вторых, *перераспределение ресурсов*, направленное не на достижение идеальной справедливости (что невозможно из-за информационных ограничений и конфликта ценностей), а на смягчение наиболее острых, социально дестабилизирующих форм неравенства и обеспечение минимальных стандартов человеческого достоинства (в духе А. Сена).

В-третьих, *производство социально полезных благ* (пример: фундаментальная наука, образование, культура, здравоохранение), объем и структура которых определяются не через сравнение с теоретически оптимальным уровнем (где предельные общественные выгоды равны предельным издержкам), а через сложный политический торг и поиск компромисса между текущими возможностями бюджета, давлением групп интересов и долгосрочными стратегическими вызовами. В-четвертых, *институциональное развитие*, то есть целенаправленное изменение «правил игры» (законов, норм, процедур) с целью ослабления влияния доминирующих распределительных коалиций, снижения барьеров для конкуренции и усиления подотчетности власти. Это ключевой элемент, отличающий интерес государства G^d_B от пассивной адаптации к сложившимся дисбалансам.

Следует подчеркнуть, что при формировании интереса государства критически важным является действие институциональных механизмов, воплощающих принцип «второго лучшего»: независимые экспертные оценки, децентрализованные эксперименты, судебный и гражданский контроль, международные обязательства. Эти механизмы не способны полностью «очистить» государственный интерес, но они осуществляют его прагматичную калибровку, смещая фокус с максимизации ренты доминирующих групп на минимизацию наиболее опасных для системной устойчивости дисбалансов.

Трактовка равновесия в макроэкономической модели $ADG^d_B - AS$. В этой модели кривая ADG^d_B (совокупный спрос, включающий скорректированный государственный интерес) теряет вид плавной, детерминированной функции. Она становится ступенчатой или имеющей «плато», отражающими приоритеты GBd . Государственные расходы и регулирование не реагируют плавно на любой шок. Они активируются (или, наоборот, сокращаются) только при достижении дисбалансами определенных пороговых значений, угрожающих устойчивости системы. Таким образом, государство действует не как автоматический стабилизатор, а как дискреционный стабилизатор с задержкой и селективностью.

Кривая AS (совокупное предложение) также модифицируется. Она перестает быть чисто технологической. На нее оказывает сильное влияние институциональная компонента, заложенная в G^d_B . Качество институтов (защита прав собственности, эффективность контрактов), которое государство способно поддерживать в условиях «второго лучшего», определяет долгосрочный потенциал экономического роста и гибкость предложения. Модель показывает, что попытки резко сдвинуть кривую AS вправо за счет либеральных реформ («первое лучшее») часто терпят крах из-за сопротивления коалиций.

Равновесие в модели $ADG_{dB} - AS$ – это не точка оптимальной аллокации ресурсов (как в модели $AD-AS$ для «первого лучшего»), а зона устойчивости или допустимого дисбаланса. Это состояние системы, при котором ни один из существующих дисбалансов (социальный, региональный, отраслевой) не превышает критического порога, за которым начинается быстрая дестабилизация. Это равновесие является политико-экономическим, а не чисто рыночным: оно отражает текущий, консенсус между основными силами влияния в динамической метасистеме «политическая власть – экономика – гражданское общество». Такое равновесие динамично и постоянно подвержено эрозии под давлением новых вызовов, что требует перманентной калибровки G_B^d . С формулирую несколько важных следствий, вытекающих из данной модели непосредственно для общей системы государственного управления.

1. *Отказ от доктрины полного равновесия в пользу управляемой адаптации.* Модель демонстрирует, что современное рыночное равновесие – это не состояние, а процесс непрерывной адаптации к меняющимся внутренним и внешним условиям в рамках ограничений «второго лучшего». Цель государственного управления смещается с «достижения оптимального равновесия» на «удержание системы в зоне устойчивости».

2. *Стратегическая роль институциональных реформ.* Ключевым каналом воздействия государства на экономику в долгосрочной перспективе становятся не столько фискальные или монетарные стимулы, сколько способность проводить *постепенные институциональные модернизации*. Эти реформы направлены на последовательное расширение «коридора устойчивости», то есть на повышение способности экономики поглощать шоки без катастрофических последствий.

3. *Новая функция экономической политики.* Политика, основанная на интересе государства G_B^d – это политика приоритетности и селективности. Государство вынуждено делать сложный выбор: какие дисбалансы смягчать в первую очередь, на каких рынках вмешиваться, а какие «провалы» временно терпеть, поскольку попытка исправить всё сразу приведет к еще большим «провалам государства». Это требует развитой системы мониторинга социально-экономических напряжений и экспертного анализа.

4. *Легитимность через прагматизм.* Легитимность государства в такой модели проистекает не из обещаний построить «идеальную экономику», а из его способности понятно объяснять обществу неизбежность компромиссов «второго лучшего» и демонстрировать реальный, хотя и ограниченный, прогресс в решении наиболее болезненных проблем. Это превращает государственное управление в публичный диалог о приемлемых компромиссах.

Таким образом, модифицированная модель $ADG_B^d - AS$ служит не просто формальным завершением исследования, а концептуальным мостом между теорией общественного выбора, институциональной экономикой и практикой государственного управления. Она подводит итог, демонстрируя, что природа современного рыночного равновесия – это равновесие несовершенное, динамичное и политически опосредованное, достигаемое не вопреки, а через признание и прагматичное управление фундаментальными дисбалансами социально-экономической системы.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Не повторяя ряд выводов теоретического и прикладного характера, присутствующих в разных частях доклада, сформулирую несколько тезисов в отношении одной из центральных категорий Общей концепции равновесия, созданной на основе релятивистской методологии. Речь идет о «интересе общества». В этой связи важно вернуться к вопросу, который был поставлен в предисловии к данной работе: «Но каким же может или должно быть понимание интереса общества? В виде некой суммы интересов индивидуумов, составляющих данное общество, или нечто совсем иное, и интерес общества как такового не сводится к индивидуальным предпочтениям его членов»? Формирование представлений об общественном интересе в экономической и политической мысли прошло путь от абстрактных этических идеалов до признания сложности реальных социальных институтов. Анализ трех ключевых доктрин позволяет увидеть, как менялись *механизмы агрегирования* индивидуальных предпочтений в единый интерес общества.

В качестве первого фундаментального подхода выступает *Утилитаризм*. В рамках этой доктрины используется этический принцип и целью общественного развития провозглашается достижение «наибольшего счастья наибольшего числа людей». Здесь общественный интерес рассматривается как простая сумма индивидуальных полезностей, а приоритетом является максимизация общего благосостояния. Однако такой подход игнорирует вопрос распределения благ и механизмы, с помощью которых это «счастье» должно быть достигнуто.

Его альтернативой выступает *Классическая рыночная теория*, которая переносит акцент с этических постулатов на экономическую эффективность. В этой модели общественный интерес трактуется как рыночный агрегат индивидуальных предпочтений. Главным инструментом здесь выступает механизм конкуренции, а индивидуумы выражают свои интересы, «голосуя» деньгами. Общественный интерес формируется автоматически в точке рыночного равновесия, где баланс спроса и предложения отражает наиболее эффективное распределение ресурсов, исходя из платежеспособного спроса участников. Однако ограниченность чисто рыночных механизмов, неспособных учесть социально полезные блага, привела к формированию третьего подхода.

Он представлен *Общей концепцией равновесия*. В данном случае мы имеем дело с политическим агрегатом индивидуальных предпочтений. Механизм реализации смещается в сторону общественного выбора: индивидуумы «голосуют» уже не деньгами, а своими голосами за определенных политиков и программы их партий. Ключевой особенностью этой доктрины является признание того, что идеальное равновесие недостижимо, и принятие решений происходит в условиях «второго лучшего». Это означает, что в реальном мире, где существуют монополии, информационная асимметрия и экстерналии, политический процесс становится необходимым инструментом для достижения наименее деформированного и социально приемлемого состояния общества.

Таким образом, переход от утилитаризма к рыночному, а затем к политическому агрегированию отражает усложнение представлений о том, как именно должны агрегироваться частные интересы для формирования стратегии развития всего общества. И хотя речь всегда идет о некотором общем «процессе суммирования» предпочтений

людей, сам этот процесс сильно различается. Можно утверждать, в частности, что в отличие от рыночного агрегата, политический агрегат имеет более сложный и многомерный характер, отражающий институциональные связи.

Для утилитаризма ключ – аддитивность и кардинализм, для рынка – парето-оптимальность через ценовой механизм, для релятивистской концепции – институциональные ограничения и принцип «второго лучшего». Таким образом, каждая концепция предлагает свой способ агрегирования индивидуальных предпочтений в общественный интерес, отражая эволюцию от абстрактного суммирования к рыночным и политическим механизмам в условиях реальных ограничений.

Если рыночный агрегат опирается на капитал и эффективность, то политический агрегат ориентирован на общественный выбор в условиях многомерных институциональных ограничений. Данное заключение соответствует релятивистской методологии – отказ от абсолютных истин и поиск лучшего из возможного в конкретном историческом и институциональном контексте разрешает ситуацию *непреодолимого разногласия*.

Приведенные тезисы генерируют ответ на другой важный вопрос, возникший более четверти века назад при разработке Концепции экономической социодинамики, где был выдвинут ее главный принцип о существовании интересов общества, как такового, *несводимых* к предпочтениям индивидуумов. Попытки корректно определить понятие «несводимости», противоречащее антропологическому пониманию – «группа людей как таковая не может говорить» (Масгрейв), каждый раз заводили в тупик.

Вспомню еще раз Берлианта: «прямые попытки решить проблему не могут увенчаться успехом, потому, что сложность кроется не в самой проблеме, а в том, как она сконструирована». Обсуждая «принцип несводимости», становится очевидным, что проблема заключена именно в его конструкции – способе агрегирования индивидуальных предпочтений. Понятно также, что когда речь идет об интересе общества в трактовке Общей концепции равновесия, с ее политическим агрегатом индивидуальных предпочтений, то в рамках классической теории равновесия с присущей ей рыночным агрегатом, этот интерес, в силу принципиальных различий в агрегатах, не сводится к индивидуальным предпочтениям.

ЛИТЕРАТУРА

- Абель Э., Бернанке Б. Макроэкономика. 5-е издание – СПб.: Питер, 2008 – 768 с. – (Серия «Классика МБА»)
- Автономов В.С. О революциях и кризисах в экономической науке / Препринты НИУ ВШЭ. Series: Issues in History and Methodology of Economic Science. 8(1), 2025 – 28 с.
- Акерлоф, Дж. А. (1994). Рынок «лимонов»: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS, N5, 91–104.
- Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж. Э. Лекции по экономической теории государственного сектора: Учебник / Пер. с англ. под ред. Л. Л. Любимова. – М.: Аспект Пресс. 1995. – 832 с.
- Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства – Москва: Росспэн, 1998. – 415 с.
- Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Пер. с англ. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
- Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. – Москва: Акад. нар. хоз-ва, Дело, 1994. – 687 с
- Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения / Пер. с англ. М. М. Кириченко; под ред. М. Ф. Черныша. – М.: Аспект Пресс, 1998. 284с.
- Бхаскар Р. Общества (Пер. с англ.) // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Выпуск 1. – М., 1991
- Бьюкенен, Дж. М. Сочинения. Пер. с англ. / Гл. ред. кол.: Нуреев Р. М. и др. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 560 с. – (Серия «Истоки: из истории экономической мысли и народного хозяйства»).
- Верлен Б. Объективизм Поппера и метод критического рационализма» (пер. с англ.) // Социологическое обозрение, Том 2, № 4, 2002
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат (Пер. с нем.). – М., 1958 (2008)
- Витгенштейн Л. Философские работы (Пер. с нем). Ч.1.- М., 1994
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. – М., ИСЭПресс, 2000
- Гуманитарный сектор патерналистского государства / под ред. А.Я. Рубинштейна. – СПб. Алетейя, 2023. – 300с.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. 307с.
- Коуз Р. Проблема социальных издержек / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского. В кн.: Коуз, Р. Фирма, рынок и право. – М.: Новое издательство, 2007. С. 87–141.
- Коуз, Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. Б. Пинскера. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с. – (Серия «Библиотека свободы»).
- Крозье М. Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль, 1993, № 11.
- Лаффон Ж.-Ж. (2007). Стимулы и политэкономия. – М.: ГУВШЭ – 311 с.
- Лейпхарт А. (1995). Конституционные альтернативы для новых демократий. Полис. Политические исследования, N5, с. 136–143.
- Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 287 с.
- Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3-х томах. (Пер. с англ. Е. З. Берсона, В. Г. Брандта, Б. Я. Кагана и др.) – Москва: «Прогресс», 1993
- Мизес, Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Пер. с англ. А. В. Куряева. – Челябинск: Социум, 2005. – 878 с.
- Милль Дж. С. Рассуждения о представительном правлении. – Челябинск : Социум, 2006. – 384 с. / Нью-Йорк : Либерал Артс Пресс, 1958. – 275 с.
- Милль Дж. С. Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М., 1914. – С. 798.
- Некипелов А. Д. (2024). О возможности формирования обновлённой парадигмы теорий индивидуального и группового выбора // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. Т. 76, №1, сс. 33-43
- Некипелов А. Д. (2023). Поиск социального оптимума: погоня за призраком? // Вестник Российской академии наук., том 93, №5, с.415-427

- Нисканен, У. А. (2007). Бюрократия и представительное правительство (Пер. с англ. И. Кудряшова). – Москва: Фонд экономической науки и образования. 312с.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. (Серия «Современная институционально-эволюционная теория»).
- Норт, Д. С. Понимание процесса экономических изменений / Д. С. Норт ; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с. – (Тексты экономики и социологии).
- Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагнация и социальная жесткость / Пер. с англ. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. – 432 с.
- Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективного действия / Пер. с англ. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. – 447 с. (Серия «Политическая наука»).
- Пигу, А. С. Экономическая теория благосостояния. (Пер. с англ. под ред. В. А. Шалганова). – Москва: Прогресс, 1985
- Полянйи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева; под общ. ред. С. Е. Федорова. – СПб.: Алетейя, 2002. – 320 с. (Серия «Рex Britannica»).
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ. – М., Экономика. – 447 с.
- Полтерович В.М., Попов В.В., Тонис А.С. (2008). Нестабильность демократии в странах, богатых ресурсами // Экономический журнал ВШЭ. №2. С. 176–200.
- Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. Онтология формирования институтов / В. М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2018, № 11. – С. 46–65.
- Полтерович, В. М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Поиск оптимальных траекторий / В. М. Полтерович // Вопросы экономики. – 2018, № 12. – С. 77–102.
- Полтерович, В. М. Общий социальный анализ // Общественные науки и современность. – 2018. – № 2. – С. 5–20.
- Радыгин, А. Д., Энтов, Р. М. «Провалы государства»: теория и политика // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 4–30.
- Райнерт, Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 4-е изд. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 384 с.
- Рубинштейн А. Я. Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса. – СПб.: Алетейя, 2008 – 560с.
- Рубинштейн А. Я. К теории рынков «опекаемых благ». Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // Общественные науки и современность. 2009. №2. С.138-150
- Рубинштейн А. Я. Теория опекаемых благ в оптике сравнительной методологии. – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 60 с.
- Рубинштейн А. Я. Патерналистское государство, академическая наука и научные журналы: теоретические заметки // Вопросы экономики, № 9 (2022), 139-177 с.
- Рубинштейн А. Я. (ред.) (2023). Гуманитарный сектор патерналистского государства. – СПб.: Алетейя. – 300 с.
- Рубинштейн А. Я. Общая теория опекаемых благ. Учебник. – СПб.: Алетейя, 2024а. – 460 с
- Рубинштейн А.Я. (2024б). Социальная организация государства: проблема сбалансированности // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4 (65), с.196–217
- Рубинштейн А. (2025). Новая экономическая теория государства // Мир перемен. 2025. № 2, с.56-84.
- Рубинштейн А. Я. Релятивистские основания новой модели рыночного равновесия // Вопросы экономики: 2026;(2): 52-77.
- Сен А. Идея справедливости / Амартия Сен; пер. с англ. Д. Куницына; под ред. И. Борисовой. – Москва: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия», 2016. – 528 с.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – Из-во Бомбора, 2022, 1056с.
- Смотрицкая И.И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 4 (61). – С. 246-252.
- Современные институты государственного управления: вызовы, адаптация, развитие / Под общ. ред. И.И. Смотрицкой, С.И. Черных. – М.: ИЭ РАН, 2024. – 373 с.

- Смотрицкая И.И. (2024а) Материалы круглого стола «Теории и методы исследований государственного управления: современные тенденции. НИУ ВШЭ, 22 апреля 2024г. // Вопросы государственного и муниципального управления №3, с.7-38
- Смотрицкая И.И. Современные тенденции в развитии концепции государственного управления // Общество и экономика. 2024б. № 10. С. 5-16.
- Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. – М.: МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.
- Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора / Пер. с англ. – М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1997. – 720 с.
- Токвиль А. Демократия в Америке / Алексис де Токвиль; пер. с франц. ; предисл. Гарольда Дж. Ласки. – Москва: Прогресс, 1992. – 554 с.
- Уайтхед, А. Н. Режимы мысли / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1992. – 156 с.
- Фурман Е.Д., Симон М.Е. Проблема выработки политического компромисса: институциональное измерение. – ИЭ РАН, 2015 – 36 с.
- Хайек, Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Куряева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с. – (Серия «Консервативная мысль»).
- Хикс, Дж. Р. Стоимость и капитал / Пер. с англ. общ. ред. и вступ. ст. Р. М. Энтова. – М.: Прогресс, 1993. – 488 с. – (Серия «Экономическая мысль Запада
- Хиллман А. Государство и экономическая политика возможности и ограничения управления / Пер. с англ. под науч. ред. М. И. Левина. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009
- Шумпетер Й. А. История экономического анализа : в 3 т. / Й. А. Шумпетер; перевод с английского под редакцией В. С. Автономова. – Санкт-Петербург: Экономическая школа, 2001. – Т. 1. – 494 с. – ISBN 5-900428-61-3.
- Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого; Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020 – 424с.
- Энциони А. Моральное измерение. На пути к новой экономике / Пер. с англ. под ред. В. В. Радаева. – М.: Академический Проект; ВШЭ, 2004. – 448 с.
- Якобсон Л. И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. – ГУ «высшая школа экономики», 2000. – 366с
- Agassi J. Methodological Individualism // Modes of Individualism and Collectivism. Ed. by J. O'Neill. L., 1973.
- Agassi J. Methodological individualism // The British Journal of Sociology, 1960, 11, N3: 244-70
- Akerlof, G. A. (1970). The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. The Quarterly Journal of Economics, 84(3), 488–500
- Arrow K.J. Social Choice and Individual Values. – New York: Wiley, 1951. – 99 p.
- Arrow K. J. Social Choice and Individual Values / Kenneth J. Arrow. – 2nd ed. – New York: Wiley; New Haven: Yale University Press, 1963. – 124 p.
- Baghramian M. (2019) The Virtues of Relativism. Aristotelian Society Supplementary Volume 93 (1): pp. 247–269.
- Baghramian M. The Many Faces of Relativism. – London, 2004. – 23 p.
- Baumol, W. J., Oates, W. E. (1988). *The Theory of Environmental Policy* (2nd ed.). Cambridge University Press. Cambridge, UK (или New York, USA) – 312 p
- Bergson, A. (1938) A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics. The Quarterly Journal of Economics, 52, 310-334.
- Berleant A. (1998a). The Aesthetics of Environment / A. Berleant. – Philadelphia: Temple University Press. – 218 p.
- Berleant A. (1998b). The Universality of Aesthetics // The Journal of Value Inquiry. – Vol. 32, Iss. 2. – P. 161–175. – DOI: 10.1023/A:1004313508183
- Berleant A. The universality of aesthetics // Re-thinking Aesthetics: Rogue Essays / A. Berleant. – Aldershot: Ashgate, 2004. – P. 83–96
- Bhaskar R. The possibility of naturalism: A philosophical critique of contemporary human sciences. 2nd ed. – Brighton, 1989
- Black D. On the Rationale of Group Decision-Making. Journal of Political Economy, 1948a, Vol. 56. P.23–34.

- Black, 1948b*. The Decisions of a Committee Using a Specific Majority', *Econometrica*. 1948b. Vol. 16. P.245–261
- Boudon R.* La logique du social: Introduction à l'analyse sociologique / R. Boudon. – Paris: Hachette, 1979. – 308 p. – (Collection «L'Esprit critique»).
- Boudon R.* Will Sociology Ever be a “Normal Science?”. Vol. 17, No. 5, Special Issue on Breaking Boundaries: Social Theory and the Sixties (1988), pp. 747-77
- Brennan G., Lomasky L. (1983)*. Institutional Aspects of “Merit Goods” Analysis / *Finanzarchiv*. Vol. 41. P. 183-206.
- Buchanan J.* The pure theory of public finance: A suggested approach // *J. Pol. Econ.* 1949. Vol. 57. P.496–505.
- Buchanan J. Tullock G (1962)*. The Calculus of Consent: Logical. Foundations of Constitutional Democracy
- Buchanan, J., Musgrave R.* Public Finance and Public Choice»: Two Contrasting Visions of the State. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 272 p.
- Chakravartty A. (2004)*. Stance relativism: empiricism versus metaphysics *Studies in History and Philosophy of Science Part. A*35 (1). pp. 173-184
- Coase, R. H. (1960)*. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*, N3, 1–44.
- Cullis J. G., Jones P. (2009)*. Public Finance and Public Choice: Analytical Perspectives (3rd ed.). – Oxford: Oxford University Press. 560 p.
- Desmarais-Tremblay M. (2021)*. Richard Musgrave and the Idea of Community. In: *Welfare Theory, Public Action, and Ethical Values: Revisiting the History of Welfare Economics*. R.E. Backhouse, A. Bouvard, T. Nishizawa (eds.), 232–55. Cambridge: – Cambridge University Press
- Durkheim, E. (1895)*. Rules of Sociological Methods. In *R. A. Jones (Ed.)*, *Emile Durkheim An Introduction to Four Major Works* (pp. 60-81).
- Giddens A.* Sociology. Political Press, Cambridge, 2001. – 750 P.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration, Cambridge. – 1984.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. – «Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, New York, 2005. –190p.
- Harberger, Arnold C.* The Measurement of Waste. *The American Economic Review*, 1964, 54(3), pp. 58-76.
- Herman F.B.W.* Staatswirthschaftliche Untersuchungen, 2. Aufl., Munchen, 1870;
- Hines J.R. (1999)* Three Sides of Harberger Triangles. *Journal of Economic Perspectives*, volume 13, issue 2, pages 167-188
- Jecht H.* Wesen und Formen der Finanzwirtschaft, Jena, 1928.
- John G. Cullis.* Public Finance and Public Choice: Analytical Perspectives / John G. Cullis, Philip Jones. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2009. – 560 p
- Kincaid H. (1998)*. Methodological Individualism/Atomism // *The Handbook of Economic Methodology*.
- Knorr-Cetina K.* Die Fabrikation von Erkenntnis: Zur Anthropologie der Naturwissenschaft. Suhrkamp Verlag. 1984 – 358 s.
- Krueger A. (1990)*. Government failures in development. *Journal of Economic Perspectives*, 4, 9–23.
- Krueger, A. O.* Government Failures in Development // *Journal of Economic Perspectives*. – 1990. – Vol. 4, No. 3. – Pp. 9–23.
- Laffont, Jean-Jacques (1994)*. The New Economics of Regulation Ten Years After // *Econometrica* Vol. 62, No. 3 pp. 507–537
- Lindahl E.* Just Taxation – a Positive Solution / E. Lindahl // *Classics in the Theory of Public Finance* / ed. by R. A. Musgrave and A. T. Peacock. – London: Macmillan, 1958. – P. 168–176.
- Lipsey R. G., Lancaster K.* The General Theory of Second Best // *The Review of Economic Studies*. – 1956. – Vol. 24, No. 1. – P. 11–32.
- Lucas R (1976)*. Econometric Policy Evaluation: A Critique, in *Brunner, K.; Meltzer, A. (eds.)*, *The Phillips Curve and Labor Markets*, Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy, vol.1, New York: American Elsevier, pp.19-46,
- Macfarlane, A. (1978)*. The Origins of English Individualism Some Surprises. *Theory and Society*, 6, 255-277.
- MacIntyre A. (1985)*. Relativism, Power and Philosophy. *Proceedings 5 and Addresses of the American Philosophical Association*, 59(1), pp. 5–22.

- Menger C.* (1923) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2. Aufl., Wien-Leipzig, 1923.
- Menger C.* (1871). Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. This E-Book (PDF Format) is published. –216 s.
- Mill J.S.* Considerations on Representative Government / John Stuart Mill. – New York: Liberal Arts Press, 1958. – 275 p. / *Mill, J. S.* Considerations on Representative Government / John Stuart Mill. – London: Parker, Son, and Bourn, 1861. – viii, 340
- Mill J.S.* A System of Logik, 8th ed., London, 1872 / Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М., 1914, с. 798.
- Musgrave R.* Finanztheoretische. –Tubingen, 1974 – 153s.
- Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. – N.Y.-London, 1959, P.87
- Muth J.* (1961). Rational Expectations and the Theory of Price Movements. *Econometrica*, 29, 315-335.
- Putnam H.* (1987) “Truth and Convention: On Davidson’s Refutation of Conceptual Relativism.” *Dialectical* 41.1-2. p. 69-77.
- Reinert, E.S.* How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor. – London: Constable, 2007. – 365 p
- Rorty R.* Consequences of Pragmatism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982 – p. 32
- Rubinstein Alexander* (2025). Patronized Goods Before and After. A Historical-Theoretical Analysis. Arbeitspapiere des Osteuropa-Instituts (Abteilung Politik) 100/2025 Freie Universität Berlin – s.51.
- Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. Pp. 387–389.
- Sen A.* (2002). Rationality and Freedom. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press. 790 p.
- Sen A.* (2004). Elements of a Theory of Human Rights. *Philosophy & Public Affairs*, 32(4), 315–356.
- Schaffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 3. Aufl., 1. Band, Tubingen, 1873
- Schmidt K.* Mehr zur Meritorik. Kritisches und Alternatives zu der Lehre von den öffentlichen Gütern. // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 108. Jahrgang 1988, Heft 3.
- Schmidt K.* Zur Geschichte der Lehre von den Kollektivbedürfnissen. In: Kloten N. u.a. (Hrsg.). System und Methoden in den Wirtschafts – und Sozialwissenschaften, Erwin von Beckerath zum 75. Geburtstag, Tubingen, 1964
- Tietzel M., Muller C.* Noch mehr zur Meritorik // *Zeitschrift für Wirtschafts – und Sozialwissenschaften*. 118. Jahrgang 1998, Heft 1, Duncker & Humblot, Berlin
- Tocqueville, A. de.* (1835–1840). De la Démocratie en Amérique (Vols. 1–2). Paris: Gosselin
- Touraine A.* New Paradigm for Understanding Today’s World / A. Touraine; translated by G. Elliott. – Cambridge: Polity Press, 2007. – 256 p.
- Van Fraassen B.* (2004). The Empirical Stance. – New Haven, ct: Yale University Press. 2004.
- Verlen B.* The objective perspective. // *Society, Action and Space*. – L.: Routledge, 1993, p.22-51.
- Westermarck E.* (1912) The Origin and Development of Moral Ideas, London: MacMillan.
- Wicksell, K.* (1896). Finanztheoretische Untersuchungen nebst Darstellung und Kritik des Steuerwesens Schwedens, Jane; in part translated in R. A. Musgrave and A. T. Peacock (eds.), 1958, Classics in the Theory of Public Finance, London.
- Winston C.* (2006). Market failure vs. government failure: Insights from the economics of regulation. – Washington, Brookings Institution Press – 130 p.